

ДИВЕН БОГ ВО СВЯТЫХ СВОИХ

АЛЬМАНАХ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ
СУДОГОДСКОГО БЛАГОЧИНИЯ
И ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИАЛЬНОЙ
КОМИССИИ ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ

ВЛАДИМИР 2012

Дивен Бог во святых Своих. Альманах первый. Издание
Комиссии по канонизации святых Владимирской епархии и
Судогодского благочиния. – Владимир, 2011. 64 с.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	4
<i>Мария Федотова</i> Священномученик Иоанн Тихомиров	6
<i>Монахиня Сергия (Каламкарова)</i> Протоиерей Сергей Александрович Зензивеев	14
<i>У. Л. Адамия</i> Священник Василий Смирнов	29
<i>М. А. Торгова</i> Священник Николай Иванович Пиголкин	35
Священник Алексей Васильевич Похвалынский	39
<i>А. Л. Ершов, Н. Ю. Морохина</i> Заккрытие судогодских храмов	44
<i>Николай Ченцов</i> Старец Клеопа Покровский	56

© Авторы статей, 2012
© Комиссия по канонизации святых Владимирской епархии, 2012
© Судогодское благочиние, 2012

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаем вниманию читателей первый Альманах Судогодского благочиния. Это совместный выпуск Судогодского благочиния и Комиссии по канонизации святых Владимирской епархии, посвященный трагическому периоду нашего отечества – времени закрытия храмов, массовых репрессий священников, государственного атеизма. Авторы статей использовали материалы Областного и Государственного архивов, архива ФСБ, Епархиального архива, устные и письменные свидетельства родственников и очевидцев репрессированных священнослужителей. Все статьи первого выпуска Альманаха – результат серьезного исследовательского труда, направленного на изучение исторических событий и судеб людей в период гонения на Российскую Церковь.

Альманах задумывался с целью раскрытия донныне не известных или мало известных архивных материалов, которые, как правило, остаются недоступными широкому кругу читателей. Так, в ходе сбора материалов для своей научной работы Андрей Леонидович Ершов, аспирант кафедры истории ВлГУ, обнаружил интересные архивные документы, относящиеся к закрытию Свято-Екатерининского собора г. Судогды. Изучая архивные дела репрессированных священнослужителей, сотрудница отдела по канонизации святых Марина Алексеевна Торгова нашла множество документов, раскрывающих трагичность судеб конкретных людей. Не все материалы, собранные в архивах ФСБ, безоговорочно подтверждают возможность прославления в лике святых того или иного пострадавшего за веру. Но имея на руках эти бесценные исторические документы, мы уже не вправе скрывать их в наших архивах.

Управляющий Владимирской Епархией, архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий не раз подчеркивал важность не столько прославления святого, сколько распространения почитания подвижников веры и благочестия, укрепление нашей духовной связи с ними, проявляющейся в усердной молитве. А для этого весьма полезно как можно подробнее знать их жития. Именно этому посвящены публикуемые нами работы насельницы Свято-Успенского женского монастыря г. Александрова монахини Сергии (Каламкаровой), кандидата исторических наук, сотрудника отдела по канонизации святых Марии Яновны Федотовой, внучки священника Василия Смирнова Ульяны Львовны Адамии, преподавателя Воскресной школы Надежды Юрьевны Морохиной, внештатного сотрудника отдела по канонизации святых Николая Юрьевича Ченцова, открывшего новые неизвестные детали жизни старца Клеопы Покровского.

В рассуждении о святости, подвижничестве и благочестии опыт современного человека явно не достаточен. А соблазны уклонения в неправые стези многообразны и сильны. Иногда под видимостью добродетели, за якобы пророчествами и чудесами скрываются лжестарчество, псевдодуховные ценности, гордыня, а иногда невежество или просто обман. Составители Альманаха хотели на примерах людей, доказавших свою преданность христианской вере, дать современнику ясное представление о том, что значит жить истинной христианской жизнью, основанной на любви, на исполнении заповедей, на самоотречении и готовности страдать и даже умереть за Христа.

Мы надеемся, что, с благословения архиепископа Евлогия, совместная работа Судогодского благочиния и Комиссии по канонизации святых будет продолжена, и наш Альманах сможет знакомить читателей с результатами архивной исследовательской работы, с новыми документами о жизни наших земляков.

Мария Федотова

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН ТИХОМИРОВ

По определению, святыми называются лица, которые вследствие своей праведной жизни, подвигов, мученичества во славу Божию после смерти стали заступниками и предстателями людей пред Богом. В каждой местности особого почитания удостоивались те святые, жизнь которых так или иначе была связана с этой землей, областью, краем. Люди были уверены, что «местный» святой лучше знает образ жизни народа, проблемы, чаяния, а значит, лучше и быстрее сможет помочь. Верится, что в этом есть доля правды. Тем более странно, непонятно, больно, что сегодня мы совсем не знаем своих «местных» святых. Не важно, что некоторые из них прославлены Русской Православной Церковью в других епархиях. Важно, что эти святые трудились на благо Церкви и народа, в том числе и на нашей меленковской земле. Один из таких святых св. новомученик Иоанн (Тихомиров).

Иван Петрович Тихомиров родился 26 августа 1876 г. в г. Владимире. Его отец, Петр Федорович Тихомиров, был потомственным почетным гражданином г. Владимира, состоял на частной службе в светском ведомстве в должности коллежского регистратора.

Мать Ивана Петровича, Ольга Васильевна, происходила из богатого дворянского рода Виноградовых. Родители были против ее брака с Петром Федоровичем и даже отказались от нее, когда она вышла замуж. Тем не менее брак оказался счастливым. В семье было двое детей – Николай и Иван. После рождения второго сына Ольга Васильевна умерла от родовой горячки. Ее родители хотели взять детей к себе, но отец не отдал.

*Отец Иоанн и Валентина Николаевна Тихомировых,
их дети (слева направо): Николай, Мария, Татьяна, Нина, Елена. 1912 г.
Фотография из личного архива семьи Тихомировых.*

Дети воспитывались в семье деда Федора Михайловича Тихомирова и его супруги Марии Васильевны (1830 г.р.). Федор Михайлович был протоиереем церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Караваеве Покровского уезда Владимирской губернии. Именно здесь прошло детство Николая и Ивана. Николай впоследствии получил медицинское образование, стал врачом, имел «практику» в г. Елатье Рязанской области, затем жил и работал в Москве.

Иван поступил в Духовную семинарию г. Владимира, окончив ее в 1897 г. по первому разряду со званием студента, и был уволен в духовное ведомство. С 27 августа 1897 г. по 24 июня 1898 г. состоял законоучителем и учителем Своянской церковно-приходской школы Юрьевского уезда. Спустя некоторое время женился. Жена его, Валентина Николаевна Никольская, была родом из с. Петрово Суздальского уезда. Она также происходила из священнического рода. Закончила Епархиальное училище в г. Владимире.

24 июня 1898 г. Его Высокопреосвященством Высокопреосвященнейшим Сергием Архиепископом Владимирским и Суздальским Иван Петрович был определен, а 20 июля того же года Преосвященнейшим Платоном Епископом Муромским рукоположен во священника храма во имя Успения Пресвятой Богородицы с. Шиморского Меленковского уезда Владимирской губернии (ныне Нижегородская область). С 1 сентября 1898 г. по 15 сентября 1899 г. о. Иоанн состоял законоучителем Народного училища в с. Песочном Меленковского уезда, а с 15 сентября 1899 г. Тамболесского народного училища. Помимо всего этого он с 15 сентября 1898 г. и до окончания постройки являлся членом Строительного комитета по созданию каменного храма в с. Песочном.

Для противодействия распространившемуся в конце XIX в. сектантству в заокской части Меленковского уезда, где сектантские раскольнические настроения были сильны, решено было возвести православный храм «в целях просветительских и как оплот христианства». В день открытия храма о. Иоанн вспоминал: «По расчетам человеческим, еще несколько лет тому назад трудно было даже предположить, чтобы в здешней местности, с ее преобладающим раскольническим населением, мог в скором времени появиться столь прекрасный храм... при замечавшейся холодности ко храму Божию даже некоторых православных лиц, возможно было ожидать противодействие, а не сочувствие делу Божию». Далее говорилось, что здешнее население с большой неохотой согласилось отвести небольшой клочок земли для своего будущего храма. Еще труднее Комитету по устройению храма было получить от местного населения и удержать другой небольшой участок земли, предназначавшийся для выделки кирпича, так как население, подстрекаемое раскольниками, не раз пыталось вернуть себе этот участок. Но, как отмечал о. Иоанн, «Господь не хочет смерти грешника. Он прилагает все меры к обращению его, на пути этих мер устраняет всяческие препятствия».

И вот в с. Песочном храм был построен и освящен 18 августа 1899 г. во имя Успения Божией Матери. По этому случаю, в память о значимости этого события о. Иоанн Тихомиров произнес следующее поучение:

«Некогда святой царь и пророк Давид, при виде скинии Господней, восклицал: «Господи, возлюби Благолепия дому Твоего и место селения славы Твоея». (Пс. 25, 8). Этим восклицанием святой муж свидетельствовал, насколько ему была дорога Скиния Господня, как место присутствия Божия. По той же причине должен быть дорог и храм христианский, ибо и он есть место селения Царствующих и Господь господствующих с Пречистой плотиею Своею и Пречистною кровию Своею».

За труды по созданию этого храма 1 августа 1900 г. о. Иоанн получил благословение от Высокопреосвященнейшего Сергия, Архиепископа Владимирского и Суздальского, с выдачей на то установленного свидетельства из Владимирской Духовной Консистории от 31 августа 1900 г. за № 9245.

В том же году Его Преосвященством Преосвященнейшим Сергием, Архиепископом Владимирским и Суздальским, Иоанн Тихомиров был утвержден в должности заведующего Шиморской бесплатной библиотекой-читальней. А 27 сентября 1902 г. к тому же назначен смотрителем свечного склада в с. Шиморском. В 1903 г. за ревностные труды о. Иоанн был награжден набедренником.

В то же самое время, с 1903 г., о. Иоанн был членом Строительной комиссии по созданию деревянного храма в д. Борковке. Спустя 4 года, в 1907 г., за особые успехи и заслуги, за большую просветительскую работу и проповедническую деятельность о. Иоанн был переведен в Покровский собор. г. Меленки.

Здесь отец Иоанн служил до 1930 г. В 1926 г. он был удостоен сана протоиерея, а в 1932 г. награжден палицей. Лишь на короткий период (с апреля 1930 г. по декабрь 1932 г.) он был переведен в с. Воспушка Петушинского района, в храм Иерусалимской иконы Божией Матери. А с 17 декабря 1932 г. вновь назначен в Покровский собор г. Меленки.

У жителей города и прихожан отец Иоанн пользовался большим уважением и любовью. Как-то раз вечером о. Иоанн не был на службе. Утром в дом Тихомировых пришел уважаемый в городе врач Бычковский, чтобы узнать, не заболел ли Иван Петрович¹.

¹ Воспоминания. Личный архив семьи Тихомировых.

*Протоиерей Иоанн Тихомиров. 1926 г.
Фотография из личного архива семьи Тихомировых*

На средства церкви содержались церковно-приходские школы Меленковского уезда. Отец Иоанн готовил учителей, назначал их в сельские школы, инспектировал их работу, выплачивал зарплату. Его супруга, Валентина Николаевна, в первые годы совместной жизни работала в школе, преподавала Закон Божий. Затем она занималась воспитанием детей. В семье было пять дочерей и двое сыновей: Елена (1902 г. р.), Нина (1904 г. р.), Татьяна (1907 г. р.), Мария (1909 г. р.), Николай (1910 г. р.), Александр (1915 г. р.), Лидия (1917 г. р.).

В число многочисленных домочадцев входила и бабушка Александра Андреевна Никольская (урожденная Альбицкая). Ее супруг, священник с. Петрово умер от разрыва сердца в возрасте 39 лет. Александра Андреевна была глубоко верующим человеком.

Дом Тихомировых находился в центре города, на Владимирской улице, рядом с собором и гимназией. Бревенчатый двухэтажный дом до сих пор стоит на своем месте. Дом был гостеприимным, здесь часто собиралась молодежь. В кабинете о. Иоанна была хорошая библиотека, детям выписывали детские журналы. В доме был рояль, все дети обучались музыке. Валентина Николаевна любила цветы, занималась садом. Иван Петрович в свободное от службы время предпочтение отдавал рыбалке и прогулкам в лесу.

В 1930-е гг. в дом Тихомировых стали заселять посторонних людей, началось так называемое «уплотнение». Семья священника была очень ущемлена в своих правах. Дети не имели возможности продолжать учебу и не могли устроиться на работу в своем городе; очень скоро они разъехались.

Отец Иоанн сильно переживал все эти притеснения и гонения, но был уверен, что все это временно. Часто повторял, что обязательно все вернется, что люди вспомнят о Боге.

В 1933 г. семья Тихомировых уехала из Меленок. Вскоре Покровский собор был взорван. С 17 апреля 1933 г. по март 1936 г. о. Иоанн служил в с. Власовском Коробовского района Московской области, а затем – до июня 1936 г. – в с. Новоселебное. Последним местом его службы был Казанский храм с. Петровского Шатурского района Московской области, куда о. Иоанн был определен 1 июня

1936 г. Поселился он вместе с супругой Валентиной Николаевной в доме машиниста Морозова, очень уважаемого в селе человека. Дети их навещали. В ноябре 1937 г. о. Иоанн отправил свою супругу в г. Егорьевск, где жили дочери Татьяна (с семьей) и Лидия.

По доносу свидетелей о. Иоанн был арестован. В ночь с 25 на 26 января 1938 г. в с. Петровское к дому машиниста Морозова подъехал «воронок». Отец Иоанн надел белую косоворотку, костюм, поклонился всем и спокойно вышел из дома со своим конвоиром.

Отца Иоанна поместили в тюрьму г. Егорьевска, где 26 января состоялся допрос. Его пытались обвинить в контрреволюционной деятельности. Отец Иоанн решительно отверг все обвинения, выдвинутые против него, он говорил, что ни в чем не виноват. Следствие закончилось быстро. 11 февраля 1938 г. Тройка НКВД приговорила о. Иоанна к расстрелу. Он был расстрелян 17 февраля 1938 г. на Бутовском полигоне и погребен в общей безвестной могиле.

О судьбе о. Иоанна его родственники очень долго ничего не знали. Лишь после войны его старшая дочь Елена Ивановна с помощью Владимирской епархии выхлопотала небольшую пенсию для Валентины Николаевны. Последние годы она жила в д. Усад Ляховского района Владимирской области, там и умерла в мае 1963 г., там же и похоронена вместе со своей дочерью Ниной Ивановной. Из детей о. Иоанна жива лишь его дочь Татьяна Ивановна.

У о. Иоанна и Валентины Николаевны 7 внуков, 16 правнуков и 19 праправнуков. В Меленках никого из семейства Тихомировых сегодня не осталось.

В с. Петровском Шатурского района Московской области в память о протоиереях Александре Сахарове и Иоанне Тихомирове на территории Казанского храма построен крестильный храм.

Отец Иоанн канонизирован и причислен к лику святых. В храме на Бутовском полигоне в Книгу Российских новомучеников внесено имя Иоанна Тихомирова. В 2003 г. был составлен акафист Новомученикам и Исповедникам Шатурским, одним из которых был отец Иоанн.

В издательстве «Булат» в 2006 г. выпущены книги «Жития новомученников и исповедников российских XX века», составленные

игуменом Дамаскиным по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Несколько страниц этой книги посвящены о. Иоанну Тихомирову.

Семья Тихомировых свято чтит память отца Иоанна. Родственники по крупицам собирают материалы о его жизни, посещают места его служения и место захоронения. В их домах как большие святыни бережно хранятся фотографии отца Иоанна, иконы сонма Шатурских новомучеников и св. новомученика Иоанна, их прославленного предка.

И хотя новомученик Иоанн, так много сделавший для утверждения православия на нашей земле и положивший душу свою за веру, которая в наши дни, может быть, уже возвращается в сердца его земляков, большинству меленковцев по сей день неизвестен, но пусть его святые молитвы и за их души возносятся пред престолом Божиим.

О святой всехвальный страстотерпче Христов, священномучениче Иоанне, руководи нас к Небесному Отечеству, возбуди в нас святую любовь ко Господу и ближним нашим, насади в сердцах наших страх Божий и ревность о спасении душ наших, направь немощные стопы наши к деланию заповедей Христовых и исполнению воли Божия, благия и совершенныя.

Святой отче Иоанне, моли Бога о нас!

Монахиня Сергия (Каламкарлова)
ПРОТОДИАКОН СЕРГИЙ
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗЕНЗИВЕЕВ
(1905–1978)

Россия XX столетия явила миру сонм мучеников и исповедников за веру Христову, подвигом которых русская земля омылась и обновилась, и утвердила стопы свои в древнем Православии.

Жестокие гонения, воздвигнутые на Церковь безбожной советской властью, огненным горнилом испытывали дело каждого из россиян, выявляя основание, на котором строил человек свою жизнь (1 Кор. III, 12–13). И перед каждым верующим человеком – и старым, и малым – вставал выбор: богоотступничество или богоисповедничество.

Страх мучений заставлял слабых в вере идти на компромисс с совестью, отречься от Бога, доносить, клеветать и предавать своих соотечественников, собратий. А те, кто решались сохранить верность Христу и Его Церкви, проходили через тяжкие испытания.

Не всех пострадавших и даже пострадавших за веру можно назвать мучениками и исповедниками Христовыми. Были среди них и такие, которые, принимая мучения, проклинали мучителей, не имели твердого намерения стоять ради Бога до конца.

Победа Спасителя над смертью, даровавшая миру жизнь, заключалась в том, что, претерпев от людей все возможные на земле страдания, даже до распятия, Он не потерял любви к ним, и тем са-

мым поправил «семя тли», усвоенное человеческим естеством по грехопадению. Ибо любовь есть жизнь, а ненависть есть смерть.

И истинные мученики Христовы, проявляя себя как личности, подобные Христу, на первое место при любых обстоятельствах ставили хранение Его заповедей, главная из которых – любовь к Богу и ближнему, и, как высшее ее проявление – любовь к врагам.

«Аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое во еже сжещи е, любви же не имам, никакая польза ми есть» (1 Кор. XIII, 3).

Одним из носителей этой великой любви явился протоиерей Сергей Александрович Зензивеев, всю свою жизнь принесший в дар Богу и людям.

Родился он 6 (19) февраля 1905 года в городе Гжатске (ныне г. Гагарин Смоленской области) в семье торговца-кожевника. Мать звали Александрой Алексеевной. Отчима Александром Степановичем, во время гражданской войны он был расстрелян за участие в контрреволюционном восстании. Сергей с юности избрал путь жизни по вере, полюбил церковные службы, и, несмотря на царивший тогда в обществе дух богоборчества, открыто исповедовал себя христианином.

Учась в реальном училище (1915–1923), а затем в медтехникуме (1923–1926), он прислуживал в гжатской Казанской церкви, был иподиаконом в соборе у епископа Феофана (Березкина), пел в церковном хоре, а после окончания курсов псаломщиков в 1926 г. был утвержден псаломщиком Казанской церкви.

В 1927 г. С. А. Зензивеев женился на девице Марии Павловне Николаевой, в 1928 г. у Зензивеевых родилась дочь Людмила.

23 января 1927 г. Сергей Зензивеев был рукоположен в сан диакона епископом Гжатским Феофаном с благословением служить в Казанской церкви. В те годы сама по себе причастность к церковному клиру была исповедничеством. Несмотря на молодость (отцу Сергию исполнилось 22 года), он встал на этот путь глубоко сознательно и мужественно, и, положив однажды руку на рало, уже не обращался вспять (Лк. 9: 62).

Всего два года прослужил молодой диакон в Казанской церкви, и, и пришло время испытания его веры. 28 ноября 1929 г., по до-

носу, он был арестован Вяземским отделом ОГПУ и обвинен в анти-советской агитации «с использованием религиозных предрассудков масс». Вынесению приговора не помешала ни легковесность доказательств, ни то, что обвиняемый себя виновным не признал: 18 января 1930 г. С. А. Зензивеев по ст. 58-10 Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ был приговорен к 3 годам концлагерей и до 27 сентября 1932 г. находился в заключении в Беломоро-Балтийском лагере.

Вернувшись, он несколько лет работал фельдшером в Гжатской городской больнице и при первой же возможности приступил к диаконскому служению (в г. Москве): в 1933 г. – в Воскресенском храме в Сокольниках, а с 1934 по 1937 – в Преображенском храме на Преображенской площади.

В выборе отцом Сергием этих двух основных направлений деятельности – медицинского и церковного – выразилось христианское устройство его души, смиренное, жертвенное, горячее желание отдать всего себя Богу и людям. Неправедливые гонения не озлобили его, но, напротив, вызвали в его сердце сострадание к заблудшим, погибающим людям, «не ведающим, что творят» (Деян. VI, 60).

Молодой благочестивый диакон Сергей вскоре привлек к себе внимание настоятеля Воскресенского и Спас-Преображенского храмов – епископа Сергия (Воскресенского)¹, и тот сделал его своим келейником. Три года провел отец Сергей в близком общении с Владыкой, который неизменно был к нему расположен, оказывал ему доверие, а во время последующих ссылок о. Сергия заботился о его семье.

В 1936 г. ко дню Святой Пасхи диакон Сергей Зензивеев был награжден двойным ораером.

¹ Епископ Коломенский Сергей (Воскресенский), викарий Московской епархии, впоследствии митрополит Виленский и Литовский, экзарх Прибалтики. Деятельный сподвижник патриарха Сергия (Страгородского). Будучи экзархом Прибалтики (с 1941г.), возвратил Православные Латвийскую и Эстонскую церкви под омофор Московского патриархата. Во время войны с Германией, отказавшись от эвакуации, продолжал архиерейское служение, являя пример беззаветной верности Христу и Его церкви, отеческой заботы о вверенной ему пастве. Окопав псковскую духовную миссию на оккупированных территориях. Убит при неизвестных обстоятельствах 28 апреля 1944 г.

Но вот пришло время новых испытаний... На этот раз поводом к аресту стал донос Т., одного из московских священников. Он писал: «Зензивеев Сергей Александрович среди окружающих проводит к-р агитацию, заявляя: "Сколько невинных людей мучается при советской власти в лагерях и ссылках. Всех достойных епископов и священников советская власть арестовала и заключила в лагерь. Это все делается с целью того, чтобы окончательно уничтожить веру в народе... Скорей бы началась война, тогда неизбежно будет гибель коммунистам"».

11 декабря 1937 г., по распоряжению Управления НКВД СССР по Московской области, диакона Сергия Зензивеева арестовали вместе с группой священнослужителей московских Преображенского и Богоявленского в Елохове храмов – священником Василием Дмитриевичем Ярцевым, иеродиакonom Вениамином (В. М. Михайловым) и диаконами Гавриилом Николаевичем Архангельским² и Михаилом Петровичем Голубевым.

Всех их обвинили в проведении «среди верующих систематической контрреволюционной и фашистской агитации и пропаганды, с использованием для этой цели различных форм церковного общения с верующими (исповеди, богослужения, частных бесед), случаев закрытия и сноса церквей...» и объединили в одну контрреволюционную фашистскую группировку, хотя не все они знали друг друга.

Новая власть не терпела ни малейшего укора в свой адрес, поводом к обвинению могли послужить самые простые и справедливые слова. К сожалению, находились люди, которые, творя волю врага рода человеческого, становились предателями, доносчиками, убийцами своих сограждан, братьев, сопричастников по вере, сослужителей по алтарю...

Свидетелями по делу «враждебно настроенной к соц. строю группы попов во главе с попом Елоховской церкви Ярцевым В. Д.» выступили Т. и Г. (иеромонах, впоследствии епископ, сосед о. Сергия по дому). Показания их пропитаны клеветническим духом, передают слова обвиняемых утрированно, часто искаженно или вовсе лож-

² Преподобномученик. Канонизирован по представлению Московской епархии Архиерейским Собором РПЦ 10 декабря 2007 г.

57с 236/61

ОССР

ПРЕЗИДИУМ
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
СУДА

57с 236/61

Дата 29/11/37

Дата 11/11/37

ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УЧЕБНО-РАССЕКРЕТНО

ДЕЛО № 7840

ФОНДА 10035

ЛИСТ 2

ДЕЛА 38944

По обвинению:

1. Арцева, Василий Акимович
2. Михайлов, Василий Михайлович
3. Зензиев, Сергей Александрович
4. Фрунзе, Михаил Иванович
5. Голубов, Михаил Степанович

38944

ТОМ № 1

АРХИВ

Начато 10/11/37

56417

38944

Первый лист архивного дела С. А. Зензиева по репрессии 1937 года.

С. А. Зензиев. Фотография из следственного дела

но. Отцу Сергию, кроме множества грубых и резких высказываний, так не свойственных его спокойному, доброжелательному характеру, была приписана даже нецензурная брань в адрес советской власти.

В ходе изнурительных допросов Сергей Александрович держался очень достойно, не принимая обвинений на себя и никого не обвиняя, был неизменно вежлив с представителями власти, несмотря на грубое поведение последних.

«...со следственными материалами ознакомлен не был, хотя и просил следователя об этом, – писал спустя несколько лет о. Сергей. Улики отсутствовали. Свидетелей я не видел, следователь мне их не показывал, несмотря на мою просьбу. Допрос велся недозволенными советским законом методами, он принуждал меня дать на себя показания в контрреволюционной деятельности, ругал нецензурными словами как служителя культа, стучал по столу кулаками...»

Виновным отец Сергей себя не признал.

21 декабря 1937 г. в Управлении НКВД МО было подписано, утверждено и передано на рассмотрение судебной Тройки Обвинительное заключение в отношении «контрреволюционной фашистской группы попов» из 5-ти человек, виновных в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.10 УК РСФСР.

20 декабря 1937 г. Тройка УНКВД СССР по Московской области вынесла приговор: «Зензивеева Сергея Александровича... заключить в исправтрудлагерь сроком на 10 лет».

1 января 1938 г. о. Сергей был отправлен этапом в лагерь «Волгострой» на Мологском участке Рыбинского гидроузла, в лагпункт «Морозиха». Только по прибытии на место заключения ему объявили жестокий приговор.

Дважды (в октябре 1939 г. и в январе 1941 г.) он пытался его обжаловать, искренно и горячо уверяя в своей невиновности, вызывая к правосудию. В первый раз дело было пересмотрено, свидетели передопрощены, но свои показания подтвердили (очная ставка с ними, о которой просил о. Сергей, была признана нецелесообразной). На этом основании прежнее решение Тройки осталось в силе. Во втором пересмотре дела было отказано.

Горечь несправедливого осуждения, изгнание, многолетняя разлука с семьей, невозможность участвовать в богослужении и приступать к таинствах Церкви, грубость надсмотрщиков и тяжесть «исправительных» трудов – все это выпало на долю диакона Сергея, как и на долю тысяч его соотечественников. Но и в этих обстоятельствах, когда многие были сломлены духовно, приходили в отчаяние, теряли веру, мы видим, как мужественно и неуклонно шел отец Сергей по пути Христа.

«Раби, повинуйтесь во всяком страхе владыкам, не токмо благим и кротким, но и строптивым. Се бо есть угодно пред Богом, аще совести ради Божия терпит кто скорби, стражда без правды» (1 Петр, II, 18–21). Конечно, недостаточно знания буквы Св. Писания, чтобы воплотить его в жизнь. Только носитель истинного Духа Божия, не своею силою, но содействием благодати Божией может стать «противу козней диавольских» и при любых самых сложных обстоятельствах сохранить христианский облик.

Приняв со смирением, как из руки Божией, постигшие его скорби, предавшись до конца воле возлюбленного им Господа, не поддаваясь духу уныния и осуждения, отец Сергей привлек к себе божественную благодать, укрепившую его к исполнению заповедей.

Все годы лагерной жизни он отличался примерным усердием в трудах и безукоризненностью поведения, сохранив при этом верность Христу и Церкви. За высокие показатели в работе Постановлением Особого Совещания от 17 октября 1942 г. С. А. Зензивееву срок был снижен на 1 год 6 месяцев.

11 июня 1946 года, после восьми с половиной лет заключения, диакон Сергей был отпущен на свободу. В ожидании церковного назначения отец Сергей ненадолго вернулся к фельдшерской работе (в амбулатории МВД в г. Переборье). Уже 2 октября 1946 г. епископом Владимирским и Суздальским Онисимом (Фестинатовым)³ он был определен диаконом Троицкого собора закрытого Успенского женского монастыря⁴ г. Александрова, который в конце августа был передан Церкви для приходских богослужений.

Эта древняя обитель, освященная подвигами и молитвами преподобных Лукиана⁵ и Корнилия⁶ и многих поколений инокинь, на 27 лет становится земным пристанищем для отца Сергея, местом его трудов и упокоения.

Но на этот раз передышка оказалась недолгой. Послевоенная религиозная оттепель сменилась новой волной арестов.

В Александровском городском отделе МГБ Владимирской области было заведено агентурное дело под названием «Проповедники». Диакона Сергея Зензивеева привлекли в связи с его объектами как уже ранее судимого и тем вызывающего подозрение. При этом были подняты следственные дела 1930 и 1937 годов и на основании их сфабриковано новое обвинение.

³ Управляющий Владимирской епархией с 27.08.1944 по 31.10.1970.

⁴ Монастырь основан в середине XVII века на месте царской Александровой слободы. Закрыт советской властью в 1923 г. Храмы и здания монастыря занимали музей (с 1921г. до настоящего времени) и жилой поселок под названием «Заря».

⁵ Преподобный Лукиан Александровский (+1655) – основатель и духовник монастыря, строитель Лукиановой пустыни.

⁶ Преподобный Корнилий Александровский (+1681) – духовник монастыря, строитель Лукиановой пустыни.

17 декабря 1948 г., а точнее, вечером 16-го, после всенощного богослужения накануне празднования памяти великомученицы Варвары, отца Сергия арестовали и заключили во Владимирскую тюрьму УМГБ.

Обвинительное заключение было подписано 12 мая 1949 года:

«С. А. Зензивеев обвиняется в том, что:

являясь участником контрреволюционной группы, проводил среди населения антисоветскую агитацию.

В предъявленном обвинении виновным себя не признал. Изобличается материалами архивно-следственного дела».

25 июня 1949 г. Особым Совещением при МГБ СССР о. Сергей был приговорен к ссылке на поселение в Красноярский край.

Только преданность воле Божией могла давать силы пережить эти постоянные внезапные перемены судьбы. По инициативе отца Сергия священники, отправлявшиеся в ссылку вместе с ним, отслужили молебен. За это отец Сергей был наказан: вещи ссыльных везли на лошадях, а ему тяжелый рюкзак пришлось нести самому...

Около года он работал кузнецом в Богучанском леспромхозе. Старался словом и делом поддерживать немощных. Как и чем мог, лечил ссыльных. Для общей молитвы у образовавшейся христианской общинки был крест, слепленный из хлеба, – самого дорогого тогда для них материала.

В 1950 году отца Сергия назначили фельдшером и заведующим участковой Артюгинской больницей (г. Красный Богучанского района Красноярского края).

На всяком месте всякое дело, которое поручал ему Господь, отец Сергей творил со страхом Божиим, в каждое мгновение поставлял себя пред Богом, хранил совесть перед Ним и людьми. Поэтому жизнь его, даже в самых незначительных повседневных проявлениях, была наполнена великим смыслом и становилась непрерывным богослужением. И Господь не оставлял верного слугу Своего, подавая незримо ему утешение, с которым не может сравниться никакая человеческая помощь. А вскоре подал и избавление.

В мае 1954 года начала работу Центральная Комиссия по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления»,

Диакон Сергей (слева) в ссылке. Красноярский край, начало 1950-х гг.

были созданы аналогичные комиссии на местах. Дело С. А. Зензивеева было пересмотрено.

15 сентября 1954 г., по директиве УНКВД Красноярского края от 16.07.1954 г., он был освобожден от ссылки.

Вернувшись в Александров, отец Сергей уже в ноябре приступил к диаконскому служению в Троицком соборе.

Радости прихожан не было конца. Отец Сергей, в каждое дело вкладывавший душу, ничто так не любил, как храмовое и именно диаконское служение. «Благоговейнейший был диакон, – вспоминают прихожане, – в храме он летал, как ангел. Смотришь – только что был на амвоне – и уже выходит из алтаря. Он как-то особо мог держать Евангелие у царских врат и открывать и закрывать врата с таким благоговением – медленно, плавно. А как возглашал! Так, что невольно слова западали в душу и доходили до сердца. Всех поминал – живых и усопших. Иногда голос его дрогнет – чувствуется, что душа его о ком-то скорбит».

Генеральному Прокурору СССР
тов. Руденко Р. А.

С ПРИЕМА
Зензивеев Сергей Алек-
сандрович 1905 г. р.
Против. г.р. Александр, Тихон-
Сидоров, обл. Свердловская 10 кв. 2.

Заявление.

Я, был арестован в Москве в 1937 г.
Един. допросе (своего был один допрос)
в Московской тюрьме. Мне по
существу дела обвинений не
предъявлялось, а следователи требовали
признаться самому в к-р дей-
ствиях. Обоснования не могу на-
писать т.к. в то время и сейчас с
делом не был ознакомлен,
никада и нигде в к-р органи-
зации не состоял.
Был раз пропущен настоятельно
просить мое дело допустить в
свидетельств и очень прошу
дать мне огласить справку
по моему делу.

Приложение сейчас всем хотел
своим личной встрече, есть письма
его ко мне, могу дать свиде-
тельств, но с ними без свидетелей
не можно без свидетелей при
нашей встрече.
Вспомню, что мне живее
давал на листе показания,
намеренно или нет это было
единственно в к-р делал
не могу, но — их показания были.

Также прошу о реабилитации
по делу 1930 года.

Судимость по делу 1937 г. с меня
снята: Справка № 28/57. 25 авг. 57.

По делу 1949 года я реабилитирован
Справка № 5 по 143/57. от 18/12-58.

Ранее я подавал несколько
заявлений в прокуратуру СССР.
Они находились в надзорных
делах — прокуратура приняла во внимание.

29/11-61. Зенз (Зензивеев)

Заявление, написанное в 1961 г., с просьбой о пересмотре дела 1937 г.

В 1956 году, обращаясь к епископу Владимирскому и Суздальскому Онисиму с ходатайством о возведении диакона Сергея Зензивеева в сан протодиакона, прихожане писали:

«Искренняя его служба не оставляет, да и не может оставить безразличными молящихся в храме. Молящиеся невольно усугубляют свои молитвы, и церковь в едином порыве «едиными усты и единым сердцем» славит и воспевают имя Божие».

Владыка удовлетворил просьбу, и диакон Сергей был возведен в сан протодиакона.

В апреле 1963 г., «во внимание к долголетней и усердной службе церкви Божией при благочестном поведении и к заботам о родном храме», отец Сергей был награжден камилавкой.

В марте 1972 г. — орденом святого князя Владимира III степени и грамотой Святейшего Патриарха.

Архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Кутепов)⁷ дал такую характеристику отцу Сергию: «Протодиакон Сергей Зензивеев — образцовый служитель алтаря и клироса. Прекрасный характер делает его желанным служителем любого церковного коллектива».

12 августа 1957 г. Постановлением Московского городского суда Зензивеев С. А. был реабилитирован по 3-й репрессии.

«Братие, да никто убо от вас постраждет, яко... злодей... Аще ли же яко христианин, да не стыдится, да прославляет же Бога в части сей» (1 Петр. IV, 15–16).

И все же горько было этому человеку, жизнь которого была единым порывом любви к Богу и людям, носить клеймо «врага народа», оставленное на нем приговорами 1930 и 1937 годов. Снова и снова пытается он оправдаться, просит о пересмотре дел. Его заявление, написанное в июне 1961 года на имя Генерального прокурора СССР, было удовлетворено, и дело пересмотрено. Из свидетелей был передопрошен только Г. (архиепископ Н.), за смертью остальных, но показания свои снова подтвердил. На этом основании в реабилитации отцу Сергию было отказано.

«...Обращаюсь к Вам как человек к человеку!..», — такие слова читаем мы в одном из прошений отца Сергия, на имя наркома внутренних дел Берии. Сохранив человеческий облик в труднейших обстоятельствах, проявив себя как личность, несущая в себе образ Христа Спасителя, отец Сергей и в других видел этот сияющий божественный образ и не оставлял надежды пробудить его к жизни и быть услышанным. Но там, где человеческие возможности бывают исчерпаны, сильною рукою устрояет дело Сам Господь. 20 ноября 1961 года, по протесту зам. прокурора РСФСР, Президиум Московского городского суда снова рассмотрел дело и реабилитировал С. А. Зензивеева по репрессии 1937 г. Остальные священнослужители, проходившие вместе с о. Сергием по делу 1937 г., были реабилитированы лишь в апреле 1992 г.

28 ноября 1961 г. отец Серий был реабилитирован и по первой репрессии 1930 г. Президиумом Смоленского областного суда.

⁷ Управляющий Владимирской епархии с 1.12.1970 по 1975 год.

Шествуя свой жизненный путь по заповедям Христа, испив чашу страданий вместе со своим народом, отец Сергей стяжал очевидные для всех дары Святого Духа: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание», (Гал. V, 22–23), и, конечно, молитву.

Его диаконское служение было благоговейным и часто трогательным. «Не мстите за себя, возлюбленные...» (Рим. XII, 19), – этот дух всепрощения пронизывал все его существо и изливался в горячей молитве «о мире всего мира», о друзьях и врагах. Евангелие он не мог читать без слез.

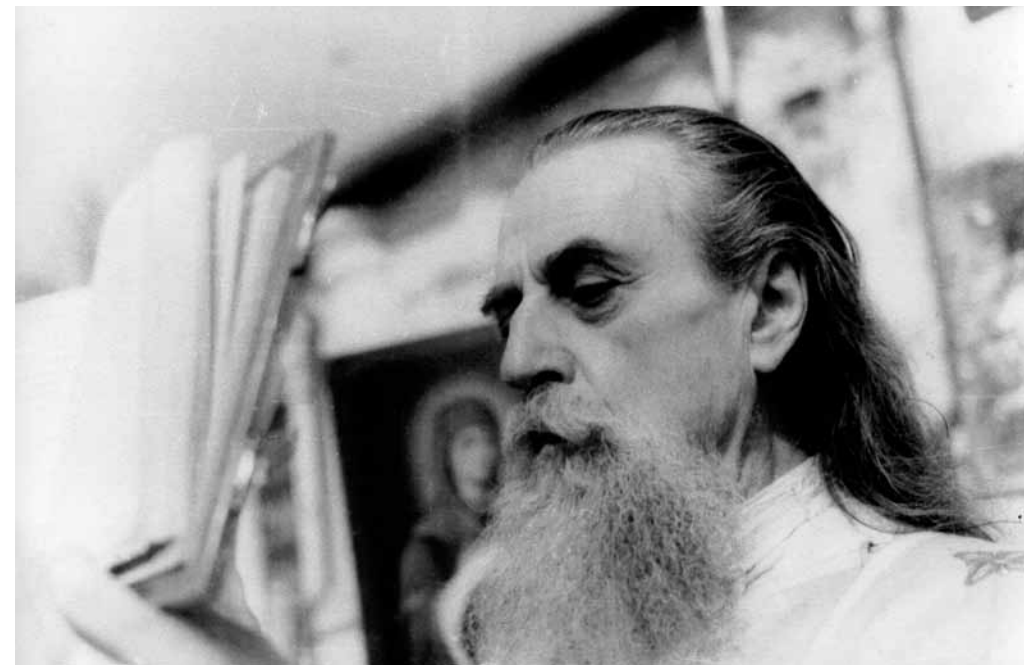
Господь наградил о. Сергия красивым баритоном и музыкальным слухом. Отец протодиакон очень любил пение и на праздники старался создать торжество. С одного клироса переходил на другой: на правом поможет – спешит на левый. Часто читал канон. Слыша разговоры в храме, прерывал чтение или пение и плакал. Был момент, когда о. Сергей сломал руку, но и тогда он не переставал служить и поднимать тяжелое Евангелие.

После Литургии отец Сергей, как правило, служил панихиду. Усердно молился за усопших. Прочитывал многочисленные записки. Поминал учителей, врачей, воинов... Никогда не забывал помянуть духовников обители – схимонаха Лукиана и схимонаха Корнилия.

Целый день он был в храме. Приходил рано. Зажигал лампы, звонил в колокола. Любил церковное благолепие и старался создать его в праздник. Доставал цветы к плащанице, украшал иконы, развешивал пелены. Особенно нарядным храм выглядел в престольный день. Все благоухало зеленью и цветами.

Старанием отца Сергия на Пасху над царскими воротами зажигались слова «Христос Воскресе!», а на Рождество – «С нами Бог!». Посередине храма появлялся вертеп из хвои, такой красивый, что, пожалуй, нигде подобного не было.

Все нужное для храма отец протодиакон закупал сам, ездил в Москву и возвращался оттуда навьюченный сумками и рюкзаками. Занимался электропроводкой, ремонтом, уборкой. Матушка его даже обижалась, что отец Сергей не бывает дома. И он, чтобы ее утешить, после вечерней службы бежал в магазин за продуктами.

Протодиакон Сергей. Александров. Светлая седмица 1978 г.

Переживший много горя, отец Сергей любое горе переживал как свое. Старался помочь больному, бедному. Лечил людей, особенно травами. Был жизнерадостным, общительным, часто шутил. Всех прихожан знал в лицо. Особенно заботился он о престарелых инокинях из закрытых монастырей: утешал гостинцами, приносил лекарства, поддерживал. Не давал никому унывать. Любил накормить нуждающегося, детей угощал сладостями, был внимателен и к старому, и к малому – праведной жизни был человек...

На бой часов отец Сергии благоговейно осенял себя крестным знамением в память о смертном часе.

Всегда помня о других, он часто забывал о себе, о своих болезнях и немощах.

Летом 1978 года с ним случился тяжелый приступ, его положили в больницу, но и там он старался быть полезным – помогал разносить обед больным. Во время операции выяснилось, что причиной приступа была раковая опухоль.

Многажды стоя перед лицом смерти, отец Сергей и на этот раз встретил ее приход спокойно и мужественно, с крепкой верой в милосердие Божие, со смирением, покаянием и молитвой.

Только одну неделю лежал он на одре болезни.

24 августа 1978 г., в самый день памяти схимонаха Корнилия (ныне прославленного Церковью в лике святых), протоиерей Сергей Зензивеев преставился ко Господу.

Хоронил его весь город, даже совсем не церковные молодые люди пришли на похороны. Было много москвичей и людей высокопоставленных. Слова благодарности и горячие молитвы провожали отца протоиерея в последний путь.

На старом Александровском кладбище много забытых могил. Но память об отце Сергии живет в сердцах людей. У его креста часто стоят цветы, и тропинка к нему не зарастает.

Мы не видим в житии протоиерея Сергия Зензивеева ни ярких подвигов, ни знамений, ни чудес, не знаем подробно внутреннего пути, которым шла его душа. Но «древо познается по плодам». А плод жизни отца Сергия – непобежденная злом любовь к Богу и к людям – высшее чудо на земле и свидетельство совершенного духовного развития.

В наши дни, когда зло пытается проникнуть во все сферы человеческой жизни и умножиться ответным злом, особенно важен пример истинных мучеников и исповедников Христовых, выстоявших в огненной борьбе за божественные заповеди. Зло не побеждается и не врачует злом. Только любовь, озаренная светом благодати, способна изменить мир, очистить его от грехов, дать новую жизнь, в которой «пребывают вера, надежда, любви, три сия: больше же сих любви...» (1 Кор. VIII, 13).

У. Л. Адамия

ПРОТОИЕРЕИ ВАСИЛИЙ СМЕРНОВ¹

Василий Арсеньевич Смирнов родился 19 января 1874 г. в селе Якимово Суздальского уезда Владимирской губернии в семье сельского причетника или дьячка. Отец его умер, когда Василию было около восьми лет, и на попечении матери – Екатерины – осталось четверо детей: две дочери и два сына. Семья бедствовала. Родство матери с архиепископом Волынским и Житомирским Агафангелом (Соловьевым) помогло определить братьев – Василия и Ивана – в духовное училище. Мальчики занимались, видимо, неплохо, и после окончания училища их приняли во Владимирскую духовную семинарию, которую Василий окончил в 1895 году. Сохранился документ, где записано, что «Василий Арсеньевич Смирнов <...> по окончании курса наук во Владимирской духовной семинарии по 2 разряду проходил должность законоучителя и учителя в Ивипповской Шуйского уезда церковноприходской школе» с 10 августа 1895 по 15 июля 1896 г. Тогда же он женился на Юлии Алексеевне Соколовой – дочери дьякона из села Абакумове Владимирской губернии.

22 июля 1896 г. архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей (Спасский) рукоположил Василия во диакона «к Борисоглебской, города Владимира, церкви» (не сохранилась). Одновременно он «проходил должность второго законоучителя в Предтеченской, города Владимира, церковноприходской школе» до 20 марта 1899 г., а 21 марта все тем же архиепископом Сергием «был рукоположен

¹ Статья впервые опубликована в «Московском журнале» (№ 4, 2007). Печатается с разрешения автора, с небольшими изменениями..

в село Крутец во священника» и «со времени поступления состоит заведующим и законоучителем местной церковноприходской школы».

Село Крутец Александровского уезда Владимирской губернии получило такое название, вероятно, из-за своего местоположения – на высоком крутом берегу реки Серой. По церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы село именовалось еще Успенским. Церковь эта была очень древняя. На ее храмо-зданном кресте имелись надписи: «Лета 7182 (1674) в июле велением okolничаго Андрея Васильевича Бутурлина в вотчине ево в Переславле Залесском уезде в деревне Крутце зделана эта церковь» и «Лета 7184 (1676) велением сына ево Ивана Андреевича Бутурлина иконы все написаны и утварь церковная зделана в августе освящена во имя Успения Пресвятыя Богородицы и святил Александровы слободы девича монастыря строитель иеромонах Корнилий»².

В XIX веке церковь с колокольной отстроили заново. Освящение состоялось 24 июня 1844 года. По описанию 1885 года, среди чтимых храмовых святынь находились старинные иконы Успения и Знамения Пресвятой Богородицы, святителя Николая чудотворца, «явленной на кочке».

В 1904 году вместо деревянной выстроили каменную колокольню. Предполагалось и возведение нового храма по уже утвержденному проекту. Когда отец Василий с супругой приехали в Крутец, общество (как тогда говорили) поставило им дом, в котором они прожили 30 лет. Здесь у них появилось на свет восемь детей. Семья была дружная, дети с малых лет приучались к труду, помогая родителям и по хозяйству, и в храме. За богослужением Мария и Сергей уже с шестилетнего возраста могли читать псалмы. В доме имелах хорошая библиотека; по вечерам часто устраивались семейные чтения.

Отец Василий старался дать детям хорошее образование. Мария, Сергей и Александра учились в гимназии в Александрове. Мария, кроме того, брала уроки музыки и иностранных языков у известных александровских педагогов и переводчиц – Марии Васильевны и Александры Васильевны Архангельских. Девушка обладала и

недюжинными литературными способностями. Она даже поступила в Литературный институт, но по своему социальному происхождению не смогла там учиться. Сергей хорошо рисовал и после гимназии поступил во ВХУТЕМАС, однако и ему пришлось прекратить обучение по той же причине.

Дом Смирновых отличало неиссякаемое радушие. Постоянно гостили родственники. Подолгу жила у отца Василия его мама, принявшая к тому времени монашеский постриг. Тесть Алексей Михайлович, вышедший уже за штат, в последние годы также жил в Крутце: присматривал за младшими детьми и в качестве диакона безвозмездно служил в храме.

Прихожане любили своего батюшку за отзывчивость, доброе отношение. Многие жители деревни Новинки приходили на праздничные службы в Крутец, хотя ближе к этой деревне был Успенский монастырь в Александрове. Старшая дочь отца Василия Мария Васильевна³ вспоминала: «Служение моего отца было очень внушительно. Он каждое слово произносил четко, и все, что произносилось во время службы, все было ясно слышно, и голос у него был очень хороший, приятный. И служба всегда была очень красивая. Служил он просто, но каждое слово произносил прочувствованно. Мы, дети, ходили в храм, когда там была служба, и я запомнила церковную службу именно благодаря такому его служению – если можно сказать, благоговейному. <...> Он был очень красив: высокого роста, представительный. У него были русые волосы с локонами. И манеры его были приятные, неспешные». Об этом же говорит и другая дочь, Валентина Васильевна⁴: «Папа служил так, что у него каждое слово было понятно».

Священник Василий Смирнов
с супругой Юлией. 1900 г.
Фотография из архива автора.
Публикуется впервые

² Добронравов В. Г., Березин В. Д. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2. Владимир, 1895. С. 305–307.

³ М. В. Смирнова-Орлова (1906–1997).

⁴ В замужестве Егорова..

Успенская церковь в селе Крутец. Начало XX в.

Приход Успенской церкви был небольшим: в селе Крутец насчитывалось не более пятнадцати домов, в двух километрах от Крутца находилась деревня Ведево – около двадцати домов, да еще к приходу принадлежала часть деревни Новинки. Соответственно, семья жила скромно. Отец Василий сам пахал, косил, заготавливая сено для скота. По воспоминаниям Марии Васильевны, «у него была такая черта характера – все делать очень тщательно, аккуратно, поэтому земля была хорошо вспахана, хорошо обработана, и урожаи были выше, чем у многих крестьян. Хотя то же самое все было, что у других». Односельчане часто обращались к нему за советом. Он многое знал, выписывал специальную литературу. Крестьяне так и говорили: «Наш батюшка – агроном», неизменно приглашали его на сельские сходы.

Многочисленные домашние и хозяйственные заботы отца Василия никогда не мешали главному – церковному служению. Даже во время болезни он не позволял себе пропускать службы. За период с 1899 по 1930 г. он был награжден набедренником, камилавкой, наперсным крестом, медалью на Георгиевской ленте, удостоился сана протоиерея.

*Чаепитие. Священник Василий Смирнов с дочерью Марией и женой Юлией Алексеевной. 1909 г.
Фотография из архива автора*

После 1917 г., как и всему народу, семье отца Василия пришлось перенести много испытаний. В 1928 г. он с немалой опасностью для себя пригласил к себе в дом гонимого писателя Сергея Александровича Нилуса с женой Еленой Александровной. С. А. Нилус прожил в Крутце до самой своей кончины, последовавшей 14 января 1929 г. Спустя два месяца Смирновых выселили из дома. Ютились в сарае. К осени построили небольшой домик в саду, где прожили до февраля 1930 года, когда отца Василия в первый раз арестовали. Имущество конфисковали, семью изгнали и из этого домика. Юлию Алексеевну и четверых младших детей взяла к себе добрая женщина из деревни Новинки – Ольга Андреевна Захарова. Спустя некоторое время дочерей Александру и Валентину родственники забрали во Владимир, а Юлия Алексеевна с остальными детьми переехала к сестре в Крутец под Петушками (станция Леонове), а потом им предоставил часть своего дома священник местной церкви Алексей Успенский. Вскоре отец Алексей тоже был арестован, выслан и, как говорили, погиб на этапе.

Отца Василия выслали сначала в Архангельскую область (Бакарица), затем в Сыктывкар, далее в Котлас. Через пять лет⁵ он вернулся, освободившись досрочно «за хорошую работу». Приехал в Москву к старшей дочери, которая не сразу его узнала – настолько он изменился. У Марии Васильевны был в гостях церковный сторож из Крутца Иван Алексеевич Ольнев, и отец Василий обратился к нему, поменяв местами, как часто случалось и раньше, его имя и отчество: «Алексей Иванович!» Тут только – по голосу и по этой характерной ошибке в обращении – дочь поняла, кто перед ней.

Когда отца Василия, отпуская из ссылки, спросили, чем он собирается заниматься, тот ответил: «Вероятно, тем же, чем занимался». К моменту его возвращения церковь в Крутце уже была занята обновленцами. Протоиерея Василия направили в село Афанасьево, но там церковь вскоре закрыли. В ожидании назначения батюшка окапывал в лесничестве елочки, чтобы заработать себе и семье на хлеб. И внезапно заболел: у него стали непроизвольно закрываться глаза. Наконец в 1935 г. его направили в церковь Святой Троицы села Марьинского Середского района Ивановской области. Он приехал в Марьинское, стал служить – и болезнь прошла. В Марьинском отец Василий прослужил около двух лет, купил домик. Юлия Алексеевна с младшими детьми перебралась к нему.

В декабре 1937 г. протоиерея Василия арестовали вторично. Юлия Алексеевна в тот же день отправилась в тюрьму – хотела передать ему самое необходимое, но передачу не приняли, сказав, что такого заключенного у них нет. Приехав в Москву, она много раз ходила на Лубянку, выстаивала долгие очереди, надеясь хоть что-то узнать о судьбе мужа. Наконец ей ответили: «Осужден на 25 лет без права переписки». 8 января 1938 г. протоиерей Василий Смирнов был расстрелян в городе Иваново⁸.

⁵ В своде игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» (Тверь, 2001. Кн. 2. С. 254) говорится не о ссылке, а о «заключении» отца Василия и указывается срок – 3 года.

М. А. Торгова

СВЯЩЕННИК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПИГОЛКИН (1890–1937)

Николай Иванович Пиголкин родился в 1890 году в селе Станки Вязниковского уезда Владимирской области в семье крестьян. Учился Николай Иванович в Вязниковском городском училище, откуда был уволен из 3-го класса.

Имея хороший голос, он обратил на себя внимание протоиерея церкви святого пророка Илии. Преосвященнейшим епископом Муромским Евгением (Мерцаловым) Николай первоначально был определен исполняющим должность псаломщика в погосте Ильинский. Это произошло в 1909 г., а в 1911 г. Николай был утвержден в этой должности указом Духовной Консистории от 30 октября 1913 г. за № 19034 в силу резолюции Преосвященнейшего Евгения и перемещен в Успенскую церковь села Станки. 13 марта 1916 года Николай Иванович был возведен в сан диакона. При этом отмечалось, что он может учить в школе пению, «но устроить хор и управлять им не может».

Как свидетельствуют документы, Николай Иванович отличался «весьма хорошим» поведением. В 1909 году он женился на дочери псаломщика Евдокии Васильевне Василевской (род. в 1889 году). В семье было десять детей: Алексей, Мария, Николай, Зоя, Клавдия, Лидия, Антонина, Анастасия, Константин, Иван. Дети вспоминают, что Николай Иванович был заботливым и добрым отцом, в селе его уважали за общительность и внимательное отношение к людям.

В 1917 году Николай Иванович, как служитель культа, был лишен избирательных прав, а 28 января 1933 года арестован по обвинению в том, что «будучи священником в с. Станки в 1931–1932 гг.

Иерей Николай Пиголкин. 1920-е гг.

совместно со священником Юницким занимался а/с агитацией против проводимых мероприятий партией и правительством, по вопросам колхозного строительства, налоговой политики, против существующего строя вообще».

В тот же день о. Николай был допрошен и показал по существу дела следующее: «В антисоветской агитации против существующего строя, против проводимых мероприятий партией и правительством я не признаю себя виновным, так как от меня никакой антисоветской агитации не исходило. В отношении наложения на меня налога в размере 4-х тысяч рублей, при доходах в 2400 рублей, я имел разговор со священником Юницким, говоря: «Как жить не знаю, т.к. налог для меня непосильный... Больше показать ничего не могу. В чем подписуюсь. Пиголкин». На допросе 31 января 1933 г. Николай Иванович частично признал себя виновным в том, что «имел разговоры с выражением недовольства по вопросам трудности жизни в настоящий момент и по вопросу обложения налогами». 27 января 1933 г. о. Николай был приговорен к заключению в печорский Исправтрудлагерь сроком на 5 лет.

В 1937 г. он был досрочно освобожден, но 8 октября 1937 г. вновь арестован. На этот раз священника обвиняли в том, что «он, Пиголкин, среди рабочих Мстерского Кирзавода систематически вел антисоветскую агитацию и распространял провокационные слухи против существующего строя».

Отец Николай на протяжении двух допросов не признавал себя виновным и никого не выдал. Вот как выглядит протокол его первого допроса:

«Вопрос: За что вы судились в 1933 г.?

Ответ: Я был судим на 5 лет за антисоветскую агитацию.

Вопрос: Вы являлись активным членом к/р группы в с. Станки с мая месяца 37 г.?

Ответ: Я активным членом к/р кулацкой группы не был.

Вопрос: Вы посещали квартиру бывшего торговца Морозова в с. Станки?

Ответ: Квартиру Морозова я не посещал, а только виделся с ним изредка на улице после моего приезда из ссылки.

Вопрос: Свидетельскими показаниями подтверждено, что вы совместно с кулацкой контрреволюционной группой открыто среди колхозников вели контрреволюционную агитацию и распускали провокационные слухи о неизбежной гибели Сов. Власти?

Ответ: С моей стороны никакой агитации не было.

Вопрос: Следствие располагает материалами о том, что вы, вернувшись, из ссылки, имели тесную связь с попом Биреевым?

Ответ: У меня с попом Биреевым никаких связей не было.

Вопрос: 5-го августа 1937 г. Вы вместе с Морозовым, Елагиным, Авдониным, Лисиным умышленно сорвали кустовое собрание колхозников, где ставился вопрос о закрытии церкви в с. Станки?

Ответ: В это время в с. Станки меня не было и о собрании я ничего не знал.

Вопрос: Вы в июле месяце 1937 г. присутствовали на нелегальных собраниях в квартире Морозова? Ответ: Я на нелегальных собраниях никогда не был.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении?

Ответ: В предъявленном обвинении виновным себя не признаю».

И на втором допросе поведение священника было безупречным:

«Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что Вы вели антисоветскую агитацию среди колхозников, признаете ли Вы себя виновным?

Ответ: Виновным себя не признаю, и никакой агитации среди колхозников не вел.

Вопрос: Следствию известно, что вы собирались на нелегальные собрания в с. Станках, где ставили вопрос о дальнейшей борьбе с Сов. Властью?

Ответ: На нелегальные собрания я никогда не собирался и собирались ли собрания, не знаю».

Священника Николая Пиголкина обвинили на основании показаний свидетелей и, несмотря на протесты, попытки пересмотреть дело, приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 1 ноября 1937 г.

М. А. Торгова

СВЯЩЕННИК

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОХВАЛЫНСКИЙ

(1866–1937)

Алексей Васильевич Похвалынский родился 20 мая (ст. ст.) 1866 г. во Владимире в семье чиновника Владимирского Окружного суда Василия Александровича Похвалынского.

С 1882 по 1887 г. Алексей Похвалынский учился во Владимирской духовной семинарии, которую окончил полным курсом по второму разряду. Во «Владимирских епархиальных ведомостях» в 1887 г. сообщалось: «Алексий Похвалынский закончил Владимирскую духовную семинарию по 2 разряду и удостоен преимуществ, присвоенных окончившим полный курс учения в духовной семинарии».

После окончания семинарии Алексей Похвалынский трудился на светском поприще в качестве канцелярского служителя второго разряда во Владимирском губернском правлении (с 1892 г.), помощника делопроизводителя правления (с 1894 года), коллежского регистратора (с 1895 г.), помощника делопроизводства врачебного отделения Правления. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 17 сентября 1898 г. Алексей Васильевич был произведен в губернские секретари.

Алексей Васильевич был женат первым браком на дочери коллежского секретаря Марии Федоровне Косаткиной. В 1897 г. у супругов родилась дочь Зинаида, в 1897 г. – сын Николай.

В 1900 году чиновника Алексия Похвалынского уволили в духовное ведомство, и он служил законоучителем земского училища.

зания. Из протоколов допросов жителей села Махры мы узнаем, что священник Похвалынский говорил о гонениях на Церковь, о грядущей войне, о бесчеловечности власти, о несправедливых выборах в Верховный Совет, открыто призывал выступить против насильственного закрытия церквей, называл Сталина диктатором.

Сам о. Алексей часть показаний свидетелей отрицал и виновным себя не признал. Протоколы допросов отражают его бескомпромиссное отношение к политике власти, направленной на насильственное закрытие храмов. Вот как выглядел, например, протокол его допроса от 18 октября 1937 г.

Вопрос: Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность среди населения. Предлагаю прекратить запирательство и давать следствию правдивые показания о своей контрреволюционной работе.

Ответ: Никакой контрреволюционной работы я не вел.

Вопрос: Из материалов следствия видно, что вы ходили в дома к колхозникам и вели там антисоветскую агитацию. Расскажите, какие велись разговоры Вами?

Ответ: При встречах с верующими я вел разные разговоры, например, вел разговор о том, что неправильно делают органы советской власти, не разрешая открывать церковь. О том, как писали жалобу на РИК, зажимающего справление религиозных обрядов. О том, что НКВД проводит аресты духовенства, а поэтому надо держать себя поосторожнее. О том, что конституцию-то издали, а свободы религиозным убеждениям не дают и т.д.

Вопрос: Нам известно, что Вы рассказывали верующим о скором конце мира и сошествии антихриста. Расскажите, где и когда Вы это говорили?

Ответ: Никогда об этом не рассказывал.

Вопрос: Проводили ли поборы с колхозников без разрешения на это?

Ответ: Правильно, поборы проводили без разрешения на это сельсовета. Собирали для расходов на поездку в Москву с жалобой на неправильные действия органов Советской власти, насильно закрывающих церкви.

Вопрос: Из материалов следствия видно, что Вы среди колхозников занимались антисоветской агитацией пораженческого характера. Вам зачитано показание свидетеля. Расскажите по существу данного вопроса?

Ответ: Показание свидетеля отрицаю.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении?

Ответ: Виновным себя не признаю.

В тот же день следственное дело по обвинению А. В. Похвалынского было направлено на рассмотрение Тройки УНКВД Ивановской области по первой категории. 26 октября был вынесен приговор, 27 октября 1937 г. священник Алексей Похвалынский был расстрелян.

А. Л. Ершов, Н. Ю. Морохина
ЗАКРЫТИЕ ХРАМОВ В СУДОГДЕ

С самого начала прихода к власти большевиков стала проводиться политика по уничтожению не просто религии как таковой, но и даже памяти о ней. В первые годы красного террора храмы закрывались стихийно, священников и верующих расстреливали без суда и следствия, иногда прямо в храме во время службы. С момента издания Декрета об «изъятии церковных ценностей» наступление на церковь приобретает планомерный характер.

Под благовидным предлогом помощи голодающим начался грабеж церквей. Изымались не только церковные ценности, но и те, что верующие собирали для только что ограбленного храма взамен изъятых. Так, в поселке Муромцево подкомиссия постановила «предложить верующим собранные ими серебряные предметы предоставить в Уфинотдел не позднее 1-го Мая с/г». Кроме того, храмы облагали такими налогами, что верующим невольно приходилось выбирать, какой храм они еще смогут содержать, а от какого придется отказаться. Такова была судьба судогодского тюремного храма в честь св. блгв. кн. Александра Невского.

Тюремный храм был построен в 1870 году на средства купца Безбородова. После того как в 1927 году церковная община отказалась от его использования, храм был передан в распоряжение Судогодского районо. Известно, что в 1937 году он использовался как детская техническая станция.

Затем была закрыта кладбищенская церковь в честь Воскресения Словущего. Сначала церковь оставили без пастыря: служившего в храме о. Василия Лаврова в октябре 1932 года арестовали и

приговорили к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. А уже 29 апреля 1933 г. на заседании Президиума облисполкома Ивановской Промышленной области было принято постановление о ликвидации кладбищенской церкви г. Судогды и дано разрешение на «сломку церкви с использованием материала на нужды местного строительства»¹.

Труднее обстояло дело с закрытием Екатерининского собора, за который прихожане стояли горой. В 1930 г. провалилась первая известная нам попытка закрыть собор, когда Владимирский окрисполком ходатайствовал о его использовании под «культурно-просветительные нужды»².

25 декабря 1931 г. за «распространение провокационных слухов» арестовывают священника Николая Цветкова. Через 47 дней он скончается от туберкулеза во Владимирской больнице.

12 декабря 1932 г. храм великомученицы Екатерины закрывают районные власти. В 1933 г. от «группы верующих Екатерининского собора города Судогды Владимирского округа» было послана жалоба в Московский Центральный Комитет: «Мы, верующие, просим И. К. придти нам на помощь. Собор – единственная церковь в городе, приход состоит из города Судогды, завода Кр. Химик и 18 деревень. 12 декабря 1932 г. у нас собор закрыли, и мы никак не можем получить разрешение на его открытие. Обращались в Облком. Нам дали разрешение, но местные органы никак не идут навстречу. Наконец, 10 апреля 1933 г. дали нам разрешение на собрание, собрание

¹ ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 274.

² ГАИО, Ф. Р-1510, Оп. 1. Д. 13. Л. 110 об. Протокол заседания Малого Президиума Облисполкома Ивановской промышленной области, состоявшегося 29 марта 1930 года. § 43.

СЛУШАЛИ: О ликвидации собора в городе Судогде. Инд. 19/192.

ПОСТАНОВИЛИ: Принимая во внимание, что указанным молитвенным зданием пользуются граждане не только г. Судогды, но и ряда прилегающих селений, кроме этого молитвенного здания в городе имеется еще только одна кладбищенская церковь, которая по своим размерам и ветхости не может обслужить в достаточной степени религиозных потребностей населения и, что в отношении использования здания собора под культурно-просветительные нужды местных органов не имеется каких-либо определенных предположений – ходатайство Владимирского Окрисполкома о закрытии указанного молитвенного здания отклонить.

состоялось – выбрали коллектив. Все стало по-хорошему. Велели подыскивать священника. Его нашли, но местное ГИСКУ не разрешило ему служить. Прислали другого, он заполнил анкету, зарегистрировался, но и этому ГИСКУ не разрешило служить. Войдите в наше положение: все праздники прошли, доходы кончились, если еще будет налог, мы не будем иметь возможности его уплатить. Налог за 1933 год уплачен...»³. Разбирательство по данному делу длилось до сентября 1933 г., и в Екатерининском соборе наконец возобновились богослужения.

Вероятнее всего, в это время в Свято-Екатерининском соборе служил, каждый день ожидая, что не сегодня-завтра его арестуют, о. Василий Чернобровцев. Внучка о. Василия Чернобровцева, вспоминает, что жили они в «постоянном трепете», она «специально ходила встречать со службы дедушку, чтобы его никто по дороге не обидел». Забрали батюшку в феврале 1933 года, содержали в судогодской тюрьме, где он подвергался различным издевательствам. Перед смертью отпустили, после чего он прожил еще три недели. Хоронить пришлось тайно самой матушке и несколькими женщинами, так как власти сказали: «Если кто-нибудь из мужчин примет участие в похоронах – снимем с работы». Отпевание заказали уже в г. Егорьевске, куда матушка уехала к дочери⁴.

С 1936 года компания по закрытию собора приобретает более организованный и продуманный характер. 18, 19 и 22 июня 1936 года были проведены собрания по поводу закрытия храма на большинстве предприятий города. На всех собраниях выносились постановления о закрытии собора, иногда добавлялось, что решение принято единогласно, лишь на двух собраниях было по одному голосу «против», на собрании фабрики им. Первого Мая один человек воздержался. Все это позволило Судогодскому райисполкому 22 июня, заслушав ходатайства, постановить «т.к. 1) из 3 тыс. взрослого на-

селения гор. Судогды 2235 человек (27 организаций), т.е. 76,6 %, за закрытие; 2) нет помещения (клуб в бывшем жандармском управлении)... – Екатерининский собор закрыть». Кроме того, отмечалось, что существующий клуб требует переоборудования, имеет неподобающий внешний вид, мал, а город растет. Однако достоверность цифры – 2235 человек, проголосовавших за закрытие церкви, – вызывает сомнения. Вероятнее всего, это общее число сотрудников тех 27-ми организаций, где были проведены собрания, так как в протоколах не ставилась цель выявить тех, кто против закрытия. Также непонятно, как повлияли на этот подсчет уличные собрания (если присутствовавших на этих собраниях не включили в число 2235, то оно получается заниженным; если включили, – то завышенным, так как работающих, выходит, посчитали два раза; а никаких данных о том, как производился подсчет голосов, в протоколах нет).

22 июля 1936 г. Судогодский райисполком уведомляет о закрытии собора Ивановский облисполком, указывая, что численность общины равна 412 человекам. 10 октября облисполком просит выслать фотоснимок собора, а также запрашивает, на какие цели предполагается использовать церковь, имеются ли средства на переоборудование и где находится ближайшая церковь. 12 ноября райисполком ответил, что собор предполагается использовать как театр и клуб, средства будут изыскиваться, переоборудование встанет в 80-90 тысяч рублей, ближайшие церкви находятся за городской чертой на расстоянии 4-5 км от Судогды в селах Новониколаевском и Спас-Беседы; снимок обещали выслать 15 ноября⁵.

16 декабря верующие-обновленцы обжалуют в облисполкоме постановление о закрытии. Они пишут, что за закрытие собора только некоторые служащие и рабочие Первомайской фабрики, стеклозавода «Красный Химик» и некоторых деревень; верующие же против закрытия, так как он нужен для религиозных обрядов. Приход собора состоит из города, 18-ти деревень, стеклозавода «Красный Химик», что может подтвердить Судогодский ЗАГС, с разрешения которого проводятся все крещения и отпевания. До ближайшей же церкви не менее 6-ти км, кроме того, по пути «имеется живое урочи-

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 760. Лл. 10, 6, 5.

³ ГАИО. Ф. Р. 2953. Оп. 3. Д. 219. Л. 99.

⁴ Судогодский мученик. По воспоминаниям Лемжаковой Натальи Павловны (урожденной Тапфер, внучки покойного о. Василия Чернобровцева), старосты Спасо-Преображенского храма. Д. Бокуша, Судогодского р-на, Владимирской области. Записал священник Павел Скоков. Владимир, ОАО «Владимирская офсетная типография». 2001.

ще, это речки, которые разливаются во время весны с самого праздника, и пройти невозможно». После этого более полугода о судьбе храма не было ничего слышно.

Вдруг 15 июля 1937 г. облисполком сообщает райисполкому о вынесении постановления о ликвидации Екатерининской церкви и передаче здания собора под театр на основании ходатайств населения и велит провести настоящее решение в жизнь с соблюдением ст. 36, 37, 40 Постановления ВЦИК и СНК от 8/04.-29 г. «О религиозных объединениях»⁶. 26 июля в городе были проведены собрания о закрытии собора. Очень информативно для исследователя собрание РО НКВД, нарсуда, прокуратуры и членов их семей. В частности, некто Б. И. Седов, выступая на собрании, говорит, что решение рабочих и служащих о закрытии собора было еще в 1936 г., но бывший председатель облисполкома Агеев тормозил, действуя «на руку классовому врагу, давая целый год распоясываться духовенству и церковникам, проводить свою антисоветскую деятельность, которого мы должны заклеймить как вредителя, троцкиста, предателя, затянувшего дело о закрытии». Собравшиеся «крайне возмущены предательской политикой пробравшегося на ответственный пост председателя облисполкома врага народа Агеева»⁷.

С. П. Агеев был арестован 15 июля, обвинялся в правом уклоне, расстрелян в конце ноября⁸. Возможно, он действительно не решался закрыть последний храм города-райцентра, община которого состояла более чем из 400 человек. После ареста Агеева в облисполкоме, видимо, решили «исправиться» – в тот же день, 15 июля, появляется постановление о закрытии собора. Верующим решение было объявлено только через 11 дней, – 26 июля⁹. Причины подобной нерасторопности неизвестны, но возможно, что таким способом райисполком препятствовал верующим, не оставляя времени на то, чтобы опротестовать постановление облисполкома (на это по закону давалось 2 недели). Тем более, как писали прихожане, копию по-

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 760. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 761. Л. 91.

⁸ Из истории органов государственной безопасности в Ивановской области 1918–1954 гг. Иваново, 2008. С. 240.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 760. Л. 43.

Свято-Екатерининский собор г. Судогды. 1920-е гг.

становления в горсовете им не дали, дату и номер его не сообщили. Верующие могли просто не уложиться в срок.

Необычным в этом случае было то, что во многих протоколах очень подробно отражался ход собраний, посвященных закрытию храма, со всесторонним показом ситуации. При чтении их виден весь спектр отношения населения к Церкви. Часть организаций ограничилась отписками: прослушали – одобрили. Так поступили Пожарная команда, Муромцевское лесничество, Передельский льнозавод, МТС, Профсоюз леса и сплава, Союз работников начальной и средней школы, Муромцевский лесотехникум, жители дома «Старая почта», собрание станции Храповицкая, механический хозотдел гаража фабрики им. 1 Мая, кооператив сапожных артелей «Трудовик», Дом крестьянина, артель «Красный швейник», Профсоюз медицинских работников, отделение Госбанка, райсберкассы, торг, Трактор-

ная артель им. 1 Мая, районное отделение связи, леспромхоз, механический парк, детдом им. В. И. Ленина, ул. Береговая и К. Маркса, Андреевский сельсовет, школа им. М. Горького и льнозавод¹⁰. Другие организации в протоколах постарались отразить активную позицию сотрудников, фиксируя в разделе «Прения» только идеологически правильные высказывания. Таковыми, естественно, были РО НКВД, Нарсуд, Прокуратура, кроме того: фабрика им. 1 Мая, райпотребсоюз, совхоз «Пионер» (участок Ушаткино), Болотский лесозавод¹¹. На первом собрании клеймили арестованного бывшего председателя облисполкома Агеева и приводили многочисленные примеры контрреволюционной деятельности духовенства и церковников: в с. Языкове колхозники под влиянием попа не выходили на работу, чем чуть не развалили колхоз, в с. Ликине церковники срывали проводимые соввластью мероприятия, в Тимофеевском погосте учительница систематически вела школьников в церковь, в Гонобиловском сельсовете воспитательницы-церковницы носили в колхозные детясли иконы и зажигали свечи, в Андреевском сельсовете попы и церковники ведут подготовку к выборам в Советы, выступая с проповедями. На фабрике им. 1 Мая важность закрытия храма связали с остротой политического момента: «вербовка попами среди масс» в связи с выборами в Советы, раскрытие заговора Тухачевского, Якира и др. В райпотребсоюзе собравшиеся вспомнили, что Первую мировую войну с молитвами проиграли, а Гражданскую без молитв выиграли, припомнили, что Церковь действует совместно с фашизмом. В Ушаткине припомнили Церкви дореволюционные обиды, положение в капиталистических странах, а некто Шатоба сказал, что у них в Баку «3 года назад разоблачили муллу, не стали веровать в него, турчанки сняли чадру». Работники Болотского лесозавода предложили закрыть церковь и в с. Ликине.

Но были и такие протоколы, где фиксировалась отнюдь не утешительная для властей информация. Это были протоколы уличных и сельских собраний, на которых домохозяйки и пенсионеры грудью

вставали на защиту храма. Кстати, указания на социальное происхождение противников закрытия церкви сразу обращают на себя внимание. Мызинское торфопредприятие 27 июля лаконично известило вышестоящие организации, что в бригаде № 2 за закрытие храма 24 человека, 2 против, в бригаде № 5 – 25 за и 4 против, в бригаде № 4 – 41 за и 8 против. Колхоз «Красное Галанино» – за закрытие 25 человек и против 23. В отчете колхоза «Красный луч» уклончиво сказано, что «доклад о закрытии церкви приняли к сведению»¹². На станции Судогда-1 даже начальство проигнорировало собрание. Агитатор К. Балашов про колхоз им. М. Горького писал, что на первое собрание явка была малочисленной, а на втором собрании 27 июля Т. Назарова гнала его со словами: «Мы церкву не отдадим, что хотите с нами делайте», а М. А. Хапугин говорил, что даже коммунисты в Бога верят. Агитатор И. Малышев про колхоз «Красное Галанино» пишет, что в целом собрание прошло хорошо, но несколько женщин заявили: «Церковь для нас, как молодежи театр, т.к. старухи в театр не ходят»; А. П. Павлова говорила: «Если закроют, опять, как в Муромцеве, устроят какие-нибудь склады и наладят бочек с керосином». Докладная записка про собрание на Береговой улице гласила, что А. В. Морозова (жена члена партии, работающая в Промкомбинате) «вела себя исключительно невыдержанно, агитировала стариков против закрытия (Церковь отделена от государства; стройте клуб, а церковь не трогайте)», Д. А. Пожеленская не давала высказываться, Н. В. Трофимов ссылаясь на Конституцию¹³. Агитатор И. А. Морозов писал, что собрание на Красной улице встретило весть о закрытии храма враждебно. Так, Ушанов, «отец ликинского священника», кричал: «Собор не отдадим, вы нас замучили своими решениями; вам нужно помещение под клуб – дадим 1 т.р., я – корову; церковь не отдадим». Пенсионерка А. Комиссарова пыталась сорвать собрание: «Сердце разрывается, когда говорят о закрытии церкви; последнее наше спасение». «Жена стражника» Моисеева кричала: «Все забрали, а все нет ничего, сами строить не могут, а готовое берете; не дадим церковь, она нам пользу дает». Бывший церковный

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 761. Лл. 96, 97, 105, 121, 128–130, 139, 107, 103, 11–17, 28–53, 73, 80, 87, 89.

¹¹ Там же. Лл. 91, 1–10, 18, 24, 132.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 761. Лл. 109, 123, 125.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 760. Лл. 37, 32, 39, 36.

староста И. М. Козлов утверждал, что не имеют права закрывать¹⁴. О событиях на Советской улице было предоставлено 4 протокола (одно ли это было собрание или несколько, установить не представляется возможным). Согласно первому протоколу, собрание прошло в форме прений: 7 человек высказались в поддержку закрытия церкви, вспомнив попов и монахов, воюющих в Испании на стороне фашистов, раздел Церкви и др. Против закрытия активно выступали двое (может, больше). Так, Кузнецова вопрошала: «Почему закрыли 2 церкви и хотят закрыть третью? Если бы не сломали Кладбищенскую церковь, то мы не были бы против». Бурмистров говорил: «Церковь отделена от государства – почему вмешиваетесь? На кладбище все кресты растащили – горсовет за это не ругал». Согласно второму протоколу, собрание тоже прошло в форме прений. Так, Матвеева говорила, что церкви есть в селах Спас-Беседы и Спас-Купалищи; Смирнова ехидно отмечала: «Старушки рассядутся на окна церкви и половину спят». Но Абашкина утверждала, что церковь не мешает, а то «умрем и хоронить некому будет – другая церковь далеко»; также против закрытия выступали Соловьева и Зайцева. Третья докладная гласила, что «на всех собраниях решения приняты единогласно», на ул. Советской – с аплодисментами. Но против был В. И. Иванов («бывший стражник, ссылался на 3 года»), требовавший оставить церковь, указывая на гарантированную Конституцией свободу совести. Бурмистров также был против и отказался голосовать, указывая на Конституцию. И. П. Быков вопрошал, где же тогда крестить и хоронить, говорил, что церковь не мешает. Родионов просил: «Хоть бы построили маленькую церковь». Старушка Кузьмина подала реплику против закрытия, а также Солдатов. Когда последнюю попытались устыдить как жену коменданта НКВД, та заявила: «А что хочу, то и делаю с мужем». Объективнее всего описал происходящее агитатор И. И. Трофимов: на ул. Советской за закрытие 39 человек, против – 23. Имеется группа церковников численностью 25-30 человек, отстаивающая церковь: «жена бывшего полицейского» К. К. Брашкина, «мать белых» пенсионерка Юзенкова (ссылалась

на Конституцию), Е. Соловьева (30-33 лет, «демонстративно рыдала») «и др.»¹⁵. Обращают на себя внимание частые ссылки на Конституцию (новую, только что принятую). Нетрудно догадаться, что верующие видели в ней свою защиту и опору, и не только они: на собрании в местком при РК ВКП(б) и ВЛКСМ некто Измайлов воздержался от голосования за закрытие церкви, т. к. «сомневается в законности решения в момент сталинской Конституции». На том же собрании некто Калинин особо оговорил, что «здание церкви должно быть не заброшено как здание, а использовано разумно»¹⁶.

1 августа 1937 г. во ВЦИК из Судогды прибыли ходоки В. Ф. Курцев, Ф. П. Полушкин и М. П. Корчагин, заявившие, что, воспользовавшись предоставленным им при объявлении решения облисполкома двухнедельным сроком на обжалование, они от имени 400 верующих просят оставить церковь, что, так как кладбищенская и тюремная церкви закрыты ранее, верующие остаются без церкви.

7 августа верующие-староцерковники (видимо, ходоки были обновленцами) пишут жалобу Калинину во ВЦИК, где указывают, что оснований к закрытию нет: при агитации за закрытие церкви мнение верующих не учитывалось, церковью пользуется город и 18 деревень, ближайшая церковь находится на расстоянии 6 и более километров, 4 года церковью пользуются и обновленцы, и тихоновцы (живут мирно и общественный порядок ни разу не нарушали), до сих пор острой необходимости в зданиях и помещениях для жилищных, санитарно-медицинских и культурно-просветительских целей не ощущается, все налоги и сборы уплачены; кроме того, текущим летом произведен ремонт одной из частей церкви (окраска стен внутри, починка рам) более чем на 4 т. р. На основании всего этого, а также Декрета об отделении Церкви от государства и ст. 124 сталинской Конституции просили отменить постановление облисполкома и отдать половину Екатерининского собора.

Но уже 2 августа Комиссия по делам культов при ЦИК СССР затребовала у облисполкома все дело о закрытии храма, и обл-

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 760. Лл. 58, 99; Д. 760. Лл. 33–34.

¹⁶ Там же. Д. 761. Л. 136.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 760. Л. 38.

исполком 5 августа дело передал. 12 августа Судогодский райисполком пишет во ВЦИК докладную записку. В ней указывалось, что Екатерининская церковь построена в 1790 году купцами, кабатчиком, фабрикантом и владельцем стекольных заводов. После Октябрьской революции от имени трудящихся горожан и крестьян неоднократно возбуждались ходатайства о закрытии собора, не получавшие удовлетворения. В 1932 году зданием стали пользоваться сразу две общины: староцерковническая и обновленческая. В 1936 году судогодцами вынесено единодушное решение о закрытии. В Судогде проживает 6750 человек, из них на льнопрядильной фабрике им. 1 Мая работает 900 человек, а на стекольном заводе «Красный химик» – 500; в третьей пятилетке количество рабочих увеличится в 2 раза. При этом в городе нет культурного очага (есть только маленький клуб для рабочих на 200 человек – бывшая канцелярия пересылочного пункта, очень мрачное помещение). Ходатайство было удовлетворено райисполкомом, 15 августа 1937 года – его решение утверждено облисполкомом. К 20-й годовщине Октябрьской революции церковь предполагается переоборудовать в клуб и театр, а базарную площадь около церкви – в сквер и сад. Смета составляется, средства выделяет профсоюз льнянщиков и стекольной промышленности и городской бюджет. Посещает церковь примерно 100 человек, на службе обычно присутствует 8-10 человек, в праздники – больше. Далее приводился список церковного актива (13 человек), в который, помимо четырех священников, попали четыре бывших предпринимателя, два бывших кулака, бывший провокатор, отец священника и «фанатичная религиозница». Кроме того, утверждалось, что закрытие церкви религиозных чувств не заденет, церкви есть и в погосте Спас-Беседа – 2,5 км на север, и в с. Ново-Никола – 2,5 км на юго-запад (в действительности в два раза дальше); в районе 12 церквей.

Начались месяцы ожидания решения Президиума ВЦИК. Тем временем 13 сентября были арестованы, а уже 25 сентября расстреляны в г. Иванове священники Андрей Владимирович Мамаев, Григорий Григорьевич Данилевский и диакон Борис Семеновский. 28 ноября арестовываются оставшиеся два священника – Гавриил Иванович Борисовский, расстрелянный 3 декабря 1937 г. и Алек-

сандр Георгиевич Любимов, осужденный на 10 лет лишения свободы (заметим, первому было 72 года, второму – 62). Церковь осталась без священников¹⁷.

Тем временем Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК выносит заключение: церковь закрыта постановлением Ивановского облисполкома от 15/07.37 г. для передачи здания под гортеатр, нет составленной сметы требуемых затрат; средства на переоборудование – нужно 160 т.р. (имеются); ближайшие церкви в 2 и 2,5 км от города; основания закрытия – ходатайства населения; массовая работа вокруг закрытия – 2235 человек из 3 тысяч дали голоса за закрытие; верующие в жалобе указывают, что церковь последняя в городе. 25 декабря 1937 г. ВЦИК утвердил постановление Ивановского облисполкома о закрытии церкви. под театр.

Верующие не теряли надежду. 2 февраля 1938 г. они пишут письмо лично Сталину: «В конце ноября 1937 г. были забраны священники, причина нам неизвестна. <...> В начале января 1938 г. начальники наши городские приступили к последнему собору и произвели разрушение в нем, что вызвало среди населения большую неприятность». Просили открыть собор и вернуть арестованных священников Любимова и Борисовского. 3 февраля жалоба была послана Калинин:

«Я, Калинин Михаилъ Ивановичъ, обращаю к вам збольшой прозбай ниоставит[ь] насъ верующехъ, чтобы намъ о[т]дали собор, у нас взяли послидный собор, жалоба была подана, а ответу не получали. И батюшкав забрали, иконы увизли, и денги взяли. Хотели пробраца к вам лично, но недопустили. Бу[дъ]ти добры намъ помоч[ь] внашай прозби. Нелзяли пожалоста, нам о[т]дат[ь] собор и возвратить свещеникав. Ото всех верующех очинь вас просим. Все верующе».

Судьба жалоб неизвестна, но скорее всего они остались без ответа, так как ни священников, ни храм не возвратили.

Так была закрыта последняя церковь в Судогде.

¹⁷Архив Владимирской епархии. Отдел канонизации святых.

Н. Ю. Ченцов

СТАРЕЦ КЛЕОПА ПОКРОВСКИЙ – ПОДВИЖНИК БЛАГОЧЕСТИЯ XVIII в.

Старец Клеопа Покровский, родившийся (предположительно) в 1714 г., принадлежал к плеяде учеников и сподвижников преподобного Паисия Величковского, благодаря деятельности которых произошел известный расцвет монашества в России в XIX столетии. Первоисточники, повествующие о жизни преп. Клеопы, немногочисленны, что связано как с историческими причинами, так и с духовным обликом самого старца – его смиренным стремлением избегать человеческой славы. Это – краткое его жизнеописание, написанное преп. Макарием Оптинским, в предисловии к Житию преп. Паисия Величковского и устное повествование о старце Клеопе одного из его ближайших учеников – архимандрита Феофана Кирило-Новоезерского, записанное сестрами Воскресенского Горицкого монастыря. (В тексте Жития свт. Игнатия Брянчанинова читаем о том, что архимандрит Феофан был «известен своей святой жизнью»).

Монашество преп. старца Клеопы началось в Молдо-Валахии. Однако значительную часть своей монашеской жизни он провел в монастырях Афона. Здесь, по словам преп. Макария Оптинского, он входит «в близкое духовное общение» с преп. Паисием Величковским и становится одним из его близких учеников и сподвижников.

Впоследствии преп. старец Клеопа перемещается на территорию Российской Империи и в 1760 году становится настоятелем Введенской Островской пустыни, неподалеку от г. Покрова (в настоящее время – город во Владимирской обл.), будучи избранным самой братией. Причина тому – высокая духовная жизнь этого подвижника.

Главным принципом духовной жизни преп. Паисия Величковского и его сподвижников было неуклонное следование учению святых отцов. Именно этим была обусловлена та духовная высота старца Клеопы, которой он достиг к этому времени. «Руководствующийся писаниями святых отцов имеет без всякого сомнения руководителем Св. Духа», – писал свт. Игнатий Брянчанинов. Как же осуществлялась святоотеческая традиция в жизни старца Клеопы и в его руководстве братией монастыря?

Старец Клеопа вводит в жизнь Введенской пустыни устав, разработанный им на основе уставов монастырей Афона. По принципам афонских уставов была организована вся бытовая, хозяйственная и литургическая жизнь обители. Было учреждено полное общежитие; по образцам Афонских монастырей был введен «устав церковный, трапезный, келейный и должностной». Большую часть времени монахи проводили в храмовой молитве во время совершения длительных богослужений (всенощное бдение, например, длилось около 7 часов и совершалось ночью), треб и обширного общего правила, включавшего по 350 поклонов утром и вечером. (Богослужебный устав, введенный о. Клеопой, приводится в приложении к книге В. Добронравова [2].) При таком распорядке дня у монахов практически не оставалось времени для совершения каких-либо значительных хозяйственных дел. Молитва, по учению святых отцов, – основное делание монаха. Давая своей братии строгие аскетические и молитвенные правила, старец и сам неуклонно соблюдал все уставные требования, подавая братии личный пример.

По словам архимандрита Феофана, о. Клеопа вел жизнь «прежестокую» [1]. Придавая важное значение аскетическим подвигам – посту, бдению, поклонам, молитвенным стояниям, он, как и другие святые отцы, не считал их самоцелью. Самым главным для него было соблюдение евангельских заповедей как во внешней, так и во внутренней жизни. Стяжание смирения, кротости, трезвения, любви – всех евангельских добродетелей – вот что стояло во главе угла его аскетической системы. До нас дошло следующее замечательное изречение старца Клеопы: «В голову камень класть, поститься, на голой земле спать – это пустое. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь*

и смирен сердцем (Мф. 11, 29), – сказал Господь, а не чудес и явлений каких-нибудь обещал...». Таково святоотеческое учение. «Мало, к сожалению, в нынешнем веке таких подвижников, кои бы угощали странников, с любовью ходили бы за больными, насыщали голодных, одевали нагих, посещали заключенных. Нигде прямо не сказано в Св. Писании, что для спасения души необходимо морить себя голодом, делать многочисленные поклоны, носить вериги и предпринимать тому подобные подвиги, между тем Евангелие говорит ясно, что именно за нелюбовь к ближнему осудятся на Страшном Суде грешные, а праведные за исполнение оной будут оправданы» (преп. Амвросий Оптинский [1]). «Дадим всю должную цену телесным подвигам, как орудиям, необходимым для стяжания добродетелей, и остережемся признать эти орудия добродетелями, чтоб не впасть в самообольщение и не лишиться духовного преуспеяния по причине ложного понятия о христианской деятельности» (свт. Игнатий Брянчанинов [3]).

В тех немногих сведениях об о. Клеопе, которые дошли до нас, мы видим, как воплощалось Святое Евангелие в его жизни. Мы видим его удивительную кротость и незлобие по отношению к врагам. Как-то раз, избитый солдатом по дороге в свою пустынь, он уговорил офицера не наказывать подчиненного, считая виноватым не солдата, а себя, который перед этим «потщеславился» и поэтому наказан был Богом. Так этот подвижник видел в скорбях, случавшихся с ним, всеблагой промысел Божий и был незлобив по отношению к тем, кто приносил ему эти скорби. В основании любви о. Клеопы к врагам лежала глубокая вера. До нас дошло замечательное по своей мудрости и краткости высказывание о. Клеопы о том, каким должно быть отношение человека к окружающим его лицам, в том числе и к тем, через которых по промыслу Божию приходят к нам скорби. В наставлениях архимандрита Феофана находим следующее: «О. Клеопа говаривал: “Мысль одну надобно иметь, что я только один на земле да Бог, никого больше не воображать. Не с кем ссориться, когда один я на земли. Были такие, которые это и исполнили”» [1].

Милость подвижника изливалась на всякого человека. Несмотря на всю неопределенность финансового положения обители, каж-

дый паломник, посещавший Введенскую пустынь, согласно введенному о. Клеопой уставу, имел возможность безвозмездно жить и питаться в обители в течение трех дней [1]. Дух нестяжания, усвоенный им в афонском братстве, о. Клеопа проявлял и при управлении Введенской пустынью. Не раз предлагали ему благодетели и новые уголья, и планы новых монастырских построек, и деньги на это. Но мудрый подвижник отказывался от осуществления «грандиозных планов» [1], понимая, что их реализация, неразлучно сопряженная со множеством хлопот и «развлечением», может отрицательно сказаться на братстве. Он понимал, что главным занятием монаха должна быть молитва. До нас дошли сведения лишь о его стараниях о внутреннем благоустройстве обители, о благолепном храмовом устройстве, но и в этом настоятель «ограничивался необходимым» [2].

Старца характеризовало глубокое смирение. Как лютой заразы, опасался он страсти тщеславия и, как многие святые подвижники, стремился всячески бегать от славы людской. Архимандрит Феофан рассказывал о том, как он отказался ехать в роскошной карете князя Потемкина, скрылся ото всех, будучи приглашенным ко двору Императрицы [1]. Старец искренне считал себя грешником. Об этом говорят тексты писем старца к братии и к Владыке Геннадию [2] и его слезная искренняя молитва о своих грехах. Считая свое духовное руководство братией недостаточным, он смиренно благословлял их ехать в Молдавию и на Афон учиться иноческим добродетелям у более искусных отцов. Как тяжкое иго воспринимал о. Клеопа наложенные на него настоятельские обязанности.

С Афонской горы и из монастырей Молдавии о. Клеопа принес в жизнь своего монастыря то новое, что составляет сущность, сердце иноческого подвига, – умную Иисусову молитву, без которой, по учению святых отцов, не достижима главная цель монашеского жития – стяжание благодатного бесстрастия. Это великое искусство, усвоенное преп. Паисием Величковским из святоотеческого предания и возрожденное им на практике, стало достоянием о. Клеопы в годы его пребывания на Афоне, а впоследствии – деланием его учеников во Введенской пустыни. По словам архимандрита Феофана, игумена Кирилло-Новоезерского, о. Клеопа творил непрестанную молитву

(«всегда в молитве был» [1]). Как «духовного делателя и хранителя умного трезвения» охарактеризовал его преп. Макарий Оптинский. Внутреннему деланию – трезвению и непрестанной молитве – обучал о. Клеопа и своих учеников.

Имел старец Клеопа и особый благодатный дар слезной молитвы, благодатного плача о своих грехах. По словам архимандрита Феофана, о. Клеопа «всегда плакал» [1]. По словам свт. Игнатия Брянчанинова, непрестанный плач о своих грехах, согласно учению св. отцов, «признается верным признаком святой души, переселившейся в вечность помышлениями своими еще во время пребывания своего на земле» [1].

Отец Клеопа проводил жизнь по правилам святых отцов, то есть вел тот образ жизни, который, согласно святоотеческому преданию, обязательно увенчивается стяжанием благодати. По словам архимандрита Феофана, о. Клеопа был «исполнен благодати Божией» [1]. Его подвиги были увенчаны благодатными дарами – даром прозорливости и даром исцелений, проявившимися уже после его смерти. Как-то раз, уединившись в лесной непроходимой чаще с двумя своими учениками, о. Клеопа проводил время в посте и молитве. Запасы еды подходили к концу, ученики испрашивали благословения оставить уединение и отлучиться в ближайшие селения за подаванием. Понимая важность для иноков уединенной нерассеянной молитвы и предвидя будущее, о. Клеопа предложил начинающим уже ослабевать в подвиге ученикам потерпеть еще немного, обещая, что помощь прибудет. Через несколько дней к их келлии подъехала повозка, запряженная парой лошадей, на которой неизвестный мужчина, к их радости, привез все необходимое... Но только потом сообразили братья, что через чашу, в которой они уединились для молитвы, на повозках проехать невозможно [1]. Известно, что о. Клеопа предсказал своему архиерею – епископу Сильвестру Переяславскому – его дальнейший жизненный путь [1]. Предсказал о. Клеопа, задолго до своей кончины, и день своей смерти, а своему ученику о. Игнатию, жившему в то время во Флорищевой пустыни, – что он станет после него его преемником в настоятельстве над Введенским монастырем и архимандритом [1]. Пророчества эти с точностью исполнились. По

словам профессора МДА Н. И. Субботина, знакомившегося с неизданными записями бесед архимандрита Феофана с горицкими сестрами, в них содержится «немало примеров его (старца Клеопы. – Н. Ч.) прозорливости» [1]. Благодатность старца была связана, по мнению архимандрита Феофана, с тем, что старец с юных лет хранил нерастленным свое целомудрие [1].

Нельзя не обратить внимание на то, какое сильное впечатление производил о. Клеопа на окружающих. Весьма примечательно мнение о нем владыки Сильвестра, епископа Переяславского, высказанное в беседе с князем Г. А. Потемкиным Таврическим. Когда светлейший князь заметил в разговоре с владыкой Сильвестром, что в России нет таких старцев и подвижников, как в Молдавии (имелся в виду преп. Паисий Величковский и его братия), владыка возразил, указав на о. Клеопу. Побеседовав с о. Клеопой, светлейший князь согласился с мнением владыки и тут же решил представить старца Государыне Императрице, но смиренный о. Клеопа, узнав об этом, избегая славы человеческой, внезапно исчез из поля зрения [1]. Архимандрит Феофан Новоезерский ставил о. Клеопу в один ряд с преп. Паисием Величковским, свт. Тихоном Задонским и преп. Феодором Санаксарским, которых он называл «великими старцами» и «чудотворцами», и говорил, что о. Клеопа «подлинно святой жизни был» [1]. (Под руководством преп. Феодора о. Феофан прожил около трех лет, столько же – под руководством о. Клеопы; свт. Тихона Задонского знал лично.)

О благодатном влиянии старца на мирян мы знаем весьма немного. Старец был известен в Москве (пустынь располагалась в 80-ти верстах от нее). Многие москвичи увидели в нем истинного монаха и истинного христианина, и пустынь существовала в то время преимущественно за счет вкладов москвичей. Небезынтересно то, что в это время семейство князей Прозоровских было постоянно связано с жизнью Введенской Островской пустыни, до которой от их имения была проложена дорога. Спустя 14 лет после смерти старца А. А. Прозоровский, известный как человек строго традиционного православия, осуществил весьма значимое для истории России раскрытие и разгром масонского заговора во главе с Н. Новиковым.

Весьма характеризует облик о. Клеопы духовный облик его учеников. Отец Игнатий перешел во Введенскую пустынь, будучи уже в сане иеродиакона, от преп. Феодора (Ушакова) из Санаксарской обители, славившейся на всю Россию строгостью устава, и здесь в лице о. Клеопы обрел истинного наставника. В 1781 г. о. Игнатий был назначен строителем Пешношского монастыря, затем – архимандритом Тихвинского монастыря; в той и другой обители он ввел устав по образцу устава Введенской Островской пустыни; позже он становится архимандритом московского Симонова монастыря. По словам преподобного Макария Оптинского, «везде был он для братии примером добродетельного жития, а наипаче смирения, нищеты и нестяжания, шелковых одежд со вступления в монашество не носил, к нищим был милостив, к несчастным сострадате́лен, к братьям исполнен любви и благодетелен» [1].

Феодор Соколов, упомянутый выше архимандрит Феофан Кирилло-Новоезерский, отправляется в Санаксарскую пустынь к преп. Феодору Санаксарскому, где условия еще более трудные, а молитвы продолжительнее, чем в Сарове. Оттуда, после отъезда на Соловки преп. Феодора Санаксарского, он приходит к о. Клеопе на остров во Введенскую пустынь, становится его учеником. Затем в Молдавии он принимает постриг, а далее следуют монастыри Санкт-Петербургской и Новгородской епархий. Отец Феофан, как и другие его сподвижники по Введенской пустыни, хранит традиции старца Клеопы, преп. Паисия, Афонской горы. Будучи игуменом Кирилло-Новоезерского монастыря, он вводит в нем Афонский устав. Архимандрит Феофан известен нам и как знаток искусства умной Иисусовой молитвы, и именно поэтому он был приглашен для участия в редактировании и издании Добротолюбия. О нем как о «муже праведном» писал свт. Игнатий Брянчанинов [4]. С о. Феофаном посчастливилось общаться молодому святителю Игнатию (тогда еще послушнику Димитрию) [1].

Отец Макарий (послушник Матфей Брюшков) пришел вместе с Феодором Соколовым во Введенскую пустынь из Санаксарской обители, впоследствии он становится настоятелем Пешношского монастыря. «Неутомимый и многосведующий в делах хозяйственных, он

еще более неутомим был в подвигах духовной жизни. Вид его казался строгим, но душа его была полна любви отеческой: не имел он никакой собственности, а все делил с братиею; всех принимал с благоприветливостью; и его сердечная простота, сопряженная с духовной мудростью, невольно привлекала к нему общее уважение. Московский Митрополит Платон часто представлял его в пример Настоятелям других обителей...», – так писал о нем преп. Макарий, старец Оптинский [1]. По образу Пешношского монастыря устроились и пополняли свой состав пешношскими иноками многие российские монастыри и пустыни: Кирилло-Новоезерская, Давидова, Берлюковская, Екатерининская, Медведева, Кривоезерская, Голутвинский монастырь, Сретенский монастырь в Москве и наконец Опти́на пустынь. Сподвижником и послушником о. Макария был о. Авраамий, впоследствии настоятель этой прославленной обители. По благословению и под руководством о. Макария, была в начале XIX в. восстановлена и благоустроена о. Авраамием Опти́на пустынь, ставшая сердцем старчества в XIX в. [1].

Послушнический иску́с под руководством старца Клеопы прошел и знаменитый преп. Василиск Сибирский, от него же он получил благословение идти в пустыню [5, с. 112]. Так тянулись таинственные духовные связующие нити от преп. Паисия Величковского через о. Клеопу к его ученикам, а от них – к преподобным XIX в. – к оптинским старцам и святителю Игнатию (Брянчанинову), к преп. Василиску Сибирскому и его ученику преп. Зосиме Верховскому.

После кончины старца в 1778 году место его погребения стало особо почитаться насельниками обители и благочестивыми паломниками. «По рассказам, на могиле Клеопы совершались нередко исцеления от разных болезней», – писал игумен Введенской Островской пустыни Сергей [1]. Н. С. Стромилов, известный церковный писатель и краевед, пишет, что «повествуют, что по кончине Клеопы являлись особенны́я знамения, исцеления по молитве пред Господом сего подвижника» [1].

В течение долгих лет могила старца свято чтилась жителями г. Покрова и окрестных селений. В дореволюционные годы у места захоронения горела неугасимая лампада, в советские годы бого-

мольцы стремились попасть на остров, на котором располагалась пустынь, прорываясь через кордоны (в то время там разместилась колония для несовершеннолетних). Священноисповедник Афанасий Сахаров, епископ Ковровский (викарий Владимирский и Суздальский), известный литургист, внес имя старца Клеопы в список местночтимых владимирских святых, к которым он обращался в своих молитвах, возносимых им в его переносном храме [1]. По традиции Русской Православной Церкви принято считать, что причисление к лику местночтимых святых осуществляется посредством епископского благословения [6].

Благодатная помощь старца ощущается и по сей день после совершения панихид у его останков, находящихся теперь в действующем женском монастыре (Введенской Островской пустыни), и обращенных к нему молитв.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Колчурицкий Николай. Старец Клеопа Покровский – ученик преп. Паисия Величковского. Изд. 2-ое, М., 2009.
2. Добронравов В. Иеромонах Клеопа, строитель Введенской пустыни Владимирской епархии. Владимир, 1908.
3. Свт. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. Т. 5. Приношение современному монашеству. СПб., 1905. Глава XXXV.
4. Свт. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. Аскетические опыты. Т. 1. О монашестве. СПб., 1905.
5. Преп. старец Зосима Верховский. Творения. Житие монаха и пустынножителя Василиска, писанное учеником его Зосимою Верховским. ТСЛ, 2006.
6. Житие святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси. (В кн.: Канонизация святых, ТСЛ, 1988.)